

Zpracování a vydání publikace (časopisu) bylo umožněno díky finanční podpoře udělené roku 2012 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Rozvojového projektu Excelence vzdělávání Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci: Zlepšení publikačních možností akademických pedagogů.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LI
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2012

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

АЛЕКСАНДР БИРИХ: К источникам «Словаря русской фразеологии 18 века»	5
ХАРРИ ВАЛЬТЕР: Интернет и происхождение фразеологизмов	11
ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА: Через семантику онимов к «сокровенному человеку» А. Платонова	17
ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ: Малые слова великого языка II/2 - «Фига - фиг» и его дериваты ...	23
ЗДЕНКА ВЫХОДИЛОВА: Неэксплицитность выражения значений в языке и в речи	31
КОНСТАНТИН ЛЕВИТАН: Перевод как процесс конвергенции национально-культурных концептосфер	41
ЛИДИЯ МАЗУР-МЕЖВА: Перевод в процессе обучения русскому языку бизнеса	47
ЛЕЙЛА МИРЗОЕВА: Оценочный потенциал категории определенности/неопределенности в русском языке	51
ЕДИТА PRÍNODOVÁ: Ruská kultúra a slovenská katolícka moderna	57
ЕЛЕНА СЕЛИВЕРСТОВА: Ресурсы сети интернет как возможность реализации паремийных потенций	65
НАТАЛИЯ СЕМЕНЕНКО: Внутренняя форма пословиц и лингвосемизис паремий в условиях интернет-дискурса	69
ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА: Фразеолог и интернет (к теории и практике взаимоотношений)	75
МАРИЯ ЧИРИКОВА: Основные аспекты понимания минимальных прагматико-коммуника- тивных единиц на языке перевода	81

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

КАТЕŘИНА NEUMANNOVÁ: Renée Grenarová: Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jak - как v češtině a ruštině	85
НАТА́ЛИЕ РАЈНОСНОВА́: К.Н. Дубровина: Библейские фразеологизмы в русской и европейс- кой культуре	87
IVANA HANULÍKOVÁ: Jozef Šipko: Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokul- turologie	89

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

ZDENKA VYCHODILOVÁ: Aktuální otázky současné jazykovědné rusistiky IV	91
---	----

PETRA FOJTŮ: Mezinárodní frazeologická konference „Slowo. Tekst. Czas.“	92
ZDENKA VYCHOĐILOVÁ: Mezinárodní vědecká konference „Frazologia a przekład“, Opole 4. – 6. září 2011	89

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

Профессор Гелена Флидрова - юбиляр	97
Pokyny pro autory	99

АЛЕКСАНДР БИРИХ

Германия, Гейдельберг

К ИСТОЧНИКАМ «СЛОВАРЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 18 ВЕКА»

ABSTRACT:

On the Sources of the “Dictionary of Russian Phraseology of the 18th Century”

The present article is devoted to the sources of the “Dictionary of Russian Phraseology of the 18th Century”. The dictionary is being compiled by the author. It is based on a corpus consisting of more than 7 thousands phraseological units. The material for this corpus has been excerpted from explanatory and bilingual dictionaries of the 18th century and from works of literature. Particularly abundant phraseology among the dictionary sources can be found in the “German-Latin and Russian Lexicon” by E. Weismann (1731) and the “Dictionary of the Russian Academy” (1789–1794). The phraseology of these dictionaries is the object of a detailed analysis in the present article and is compared to the phraseological system of the modern Russian language.

KEY WORDS:

Russian language of the 18th century – phraseology – dictionaries – “German-Latin and Russian Lexicon” by E. Weismann – “Dictionary of the Russian Academy”.

1. Предварительные замечания

В истории русской фразеологии 18 век занимает особое место. Именно в это время начинает формироваться фразеологическая система, многие черты которой сохранились и в 19–20 вв. Особенности этой системы являются активное проникновение разговорных и простонародных фразеологизмов, многочисленные заимствования из западноевропейских языков, смешение церковнославянских и народных устойчивых словосочетаний и т.п. Очевидна поэтому необходимость лексикографического описания фразеологии этого периода. Важнейшей основой такого описания должен послужить корпус русских фразеологизмов 18 века, составленный автором этих строк, включающий более 7 тысяч единиц. Материалы корпуса были извлечены из литературных произведений и одно- и двуязычных словарей 18 века, «Словаря русского языка XVIII века» (вып. 1–17) и «Материалов для фразеологического словаря русского языка XVIII века» М. Ф. Палевской.

2. Источники первой половины 18 века

Литературных произведений в первой половине 18 века сравнительно немного. К ним можно отнести «Книгу о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова, повести петровского времени и некоторые другие. Остальные письменные памятники этого периода (как, например, «Проповеди» Феофана Прокоповича) имеют, как правило, религиозное содержание и содержат лишь церковнославянскую фразеологию. Основным источником фразеологии первой половины 18 века являются поэтому словари и прежде всего «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмманна, изданный в Петербурге в 1731 г. [Weismann 1731]. Ценность этого словаря заключается в том, что в нём впервые в русской лексикографии в широком объёме представлены разговорные и просторечные фразеологизмы первой четверти 18 века, которые в письменных памятниках этого периода практически не встречаются. Понятно поэтому, что для диахронического описания русской фразеологии 18 века материалы словаря Э. Вейсмманна особенно важны.

Анализ фразеологического состава лексикона Э. Вейсмманна показал, что значительная часть фразеологизмов первой четверти 18 века употреблялась в такой же форме и в таком же значении, что и в современном русском языке, ср.: *попался в просак* (24), *волосы дыбом стали* (26), *как гора с плеч свалилась* (81), *болван неотесанный* (200), *в гроб смотрети* (259), *живут как кошка с собакой* (369) и т.д. В то же время в словаре отмечено и большое число устойчивых словосочетаний, не встречающихся в современном употреблении, ср.: *попадешься как осел на сварбу* (28), *серебряным колокольцом в ухо позвонити* (88), *только смыслен как осел к вольнке* (181), *барашка в бумажке подсунути* (552), *нежити, дрочити кого как яичко* (184), *ветром жити* (369) и т.д.

К достоинствам словаря Э. Вейсмманна следует отнести многие удачные эквиваленты к немецким и латинским лексемам и фразеологизмам, которые часто даются целым синонимическим рядом. Особенно многочисленными оказались синонимические ряды со следующими значениями: а) 'бедствовать, голодать': *не имеет на что и веревку купити, и перекусити нечего, не имеет чем и собаки из под стола выманити* (76); б) 'бить, ударять кого': *так ударили кого чтоб искры из глаз посыпалися, чтоб зубы потряслися, чтоб в ушах зазвенело* (382); в) 'жадно, алчно есть': *ты слово в слово как голодный волк рвешь, будто ты у себя и куса во рте не видел, будто ты век не едал* (316); г) 'обещать и не выполнять обещанного': *со дня на день откладываети, в долгий ящик класти, завтраками кормити* (65); д) 'совсем ничего не знать, не понимать': *он не знает ни худа, ни добра, он и трех перечесть не умеет, аза в глаза не знает* (491) и т.д.

В лексиконе Э. Вейсмманна широко представлена и вариантность фразеологических единиц, не всегда совпадающая с вариантностью ФЕ в современном русском языке. Чаще всего встречаются примеры лексической вариантности, ср.: *ветром жити* (369) / *питатися* (369; 390); *попался в просак* / *в вершу* (24) / *в сети* (337), *свое брюхо наполнити* / *набити* (587); *шиши* / *кукиши показати* (181); *на сову* / *на кокушку ястреба променятьи* (509) и т.д.

Значительным числом единиц представлены также словообразовательные варианты ФЕ, ср.: *по одежде ноги протягати* (131) / *по одежде и ножки протягати* (616); *с рук на руки здати / дати / подати* (128) / *отдати* (74) и т.д. Реже встречаются синтаксические варианты, ср.: *сие ему до сердца / к сердцу пошло* (295); *слово в слово* (316) / *от слова до слова* (763); *самого себя смотрети* (439) / *себя смотрети* (634) / *на себя самого смотрети* (573) и т.д.

Особый интерес представляют фразеологические материалы лексикона с точки зрения фразеобразования. Как и в современном русском языке, наиболее многочисленными являются метафорические фразеологизмы, ср.: *попался в вершу* (24), *змию в пазухе держати* (545), *козла огородником сделать* (762) и т.п. Вторую по численности группу составляют фразеологические обороты, в основе которых лежит метонимия, ср.: *еще у него на губах матернее молоко не обсохло* (457), *с брюхом ходити* (331), *драти / рвати волосы* (269), *от доски до доски прочести* (377), *ударять в грудь* (544), *пустая голова* (306) и т.п. Далее следуют сравнения: *будто с виселицы сорвался* (218), *голоден как волк* (316), *попадешься как кур во щи* (28); перифразы: *в вечное блаженство отходити / переселитися* (606), *велел вам долго жить* (572); гиперболы: *он в затылке глаза имеет* (366), *золотые горы обещати* (548), *я едва из кожи не вылез* (284); алогизмы: *хотети от быка молока* (111), *корову седлати* (468) и т.д.

3. Источники второй половины 18 века

Начало новой русской литературы (середина 18 века) связано прежде всего с именами А. Кантемира, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова. Уже в этих первых произведениях, послуживших образцом для писателей второй половины 18 века (Д. И. Фонвизина, И. И. Хемницера, А. Н. Радищева, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и многих других), богато употреблялась фразеология. Эта традиция была продолжена в многочисленных драмах, комедиях, лирике, прозе, сатирических произведениях, мемуарах и т. д., появившихся в этот период. Особенно важным фразеологическим источником оказались комедии. Только из одной комедии Н. П. Судовщикова «Неслыханное диво, или честный секретарь» удалось извлечь более 100 фразеологизмов.

Значительное число фразеологических единиц содержится и в одно- и двуязычных словарях, составленных в это время. Среди них особенно выделяется «Словарь Академии Российской» (1789–1794; 2 изд. 1806–1822), включающий по подсчётам Е. Э. Биржаковой [Биржакова 1965: 260] более 2700 фразеологических единиц. Так, только под словом *рука* в словаре приводится 49 устойчивых словосочетаний: *правая рука кто, легкая рука у кого, нагреть руки на чем* и т.д. Основная часть фразеологизмов, содержащихся в словаре, разговорного происхождения, ср.: *заруби себе нос, развесить уши, развязать кому руки* и т.д., не менее значительно и число церковнославянских оборотов: *предати дух, воздвигнути главу (рог), принятьи всуе душу свою* и т.д. В то же время в словаре отсутствуют многие фразеологические единицы, отмеченные в литературных произведениях второй половины 18 века: *белены объелся кто,*

унести ноги, дать зорю кому и др. В словарь не вошло также большое число иноязычных выражений, широко употреблявшихся в этот период: *платить той же монетою кому, быть не в своей тарелке, делать кур кому* и т.д.

В материалах, извлеченных из словарей и литературных произведений второй половины 18 века, отчетливо проявились особенности фразеологии этого периода, к которым можно отнести следующие:

(а) широкая вариантность ФЕ, позволяющая прояснить внутреннюю логику многих выражений, выявить исконные и более поздние образования. Так, фразеологизм *ни рыба, ни мясо* отмечен в двух вариантах: *ни рыба ни мясо* и *ни рак ни рыба*. Последний вариант, по-видимому, исконный, так как встречается и в других славянских языках. Ср.: [Чужехват:] А ты, мой друг, ни то ни се, *ни рыба ни мясо* (Сумароков, Опекун); [Сторож:] Меня бросила и полюбила другого. Я и остался *ни рак ни рыба* (Нехачин, Неудачливый в любви подъячий).

(б) более развитая многозначность, отсутствующая у фразеологизмов 19–20 вв. Оборот *как в воду опущенный* мог, например, характеризовать не только удрученного, унылого человека (Жених наш был *как в воду опущенный* и ничего не говорил. – Болотов, Жизнь и приключения...), но и крепко спящего (Не трогался никто ни мало, И спал *как в воду опущен*. – Осипов, Вергилева Енейда).

(в) широкая сочетаемость, не характерная для фразеологических единиц 19–20 вв. Так, устойчивый оборот *во всю ивановскую* употреблялся в языке этого периода с глаголами *гонять* ([Корыстолюб:] А зимою, нарядясь оборотнями, на извощиках самых хватских *гоняют* по Залыберью *во всю ивановскую*. – Соколов, Судейския именины); *исполнять* (То ты как хочешь работай, Проворней *исполняй* все дело, *Во всю ивановскую* смело... – Осипов, Вергилева Енейда); *хранеть* (Добравшись люди до постели *Во всю ивановску хранели*, Как водится всегда в ночи. – Осипов, Вергилева Енейда) и т.д.

(г) полнота грамматической парадигмы. Многие фразеологизмы, имеющие в современном литературном языке дефектную грамматическую парадигму, отмечаются в языке 18 века во всех грамматических формах. Так, устойчивые обороты, употребляющиеся в настоящее время только с отрицанием, имели в 18 веке и утвердительную форму. Ср.: *лыком шит* (совр. *не лыком шит*): Иной проклятый прикащичишка, ну вот *лыком шит*, а с барами надо спознаться... (Соколов, Судейския именины); *сердце лежит к кому* (совр. *сердце не лежит к кому*): [Разсудин:] Он не богат, но на сие смотреть нечево... *Сердце мое к нему лежит*. (РФ, Недоразумение); *на руку чист* (совр. *на руку нечист*): [Ардия:] А ты Алладин! Будь дядюшке своему во всем послушен... а более всего будь *чист на руку*. (Алладин...) и т.д.

4. Заключение

Наблюдения над фразеологическими единицами 18 века ещё раз показывают значимость этого периода в становлении русской фразеологии и необходимость его лексикографического описания. Собранный материал отражает формирование фразеологизмов 18 века, их вариантность, семантические,

парадигматические и грамматические особенности и т.д., проясняет основные источники фразеологического фонда русского языка, процесс ассимиляции или, напротив, вытеснения языком заимствованных, просторечных и диалектных устойчивых оборотов. «Словарь русской фразеологии 18 века» послужит, таким образом, важной вехой на пути создания исторической фразеологии и историко-этимологического словаря русского языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

WEISMANN, E. (1731): *Deutsch-Lateinisch= und Rußisches Lexicon, Samt Denen Anfangs=Gründen der Rußischen Sprache*. St. Petersburg.

БИРЖАКОВА, Е. Э. (1965): Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). In: *Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века*. М.–Л. 1965, с. 251–270.

ХАРРИ ВАЛЬТЕР

Германия, Грайфсвальд

ИНТЕРНЕТ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ABSTRACT:**The Internet and the Etymology of Phraseologisms**

The paper discusses the influence of internet information on the etymological interpretation of idioms. Especially as well as the verification of traditional dictionary information concerning activity, functional and stylistic characterization of phraseological units and their traditional etymological interpretation can be rechecked to recognize the need for change in dictionary information. An analysis of lexical and phraseological corpora show the distribution of the data and in this special case about the frequencies.

KEY WORDS:

Phraseology – etymology – internet fixation – distribution of data in corpora.

Тема «Фразеология и Интернет» давно назрела, и современная фразеология без интернета может оказаться Золушкой в мире других лингвистических дисциплин. Интернет помогает определить и уточнить многие параметры фразеологии: частотность ФЕ, их стилистическую маркированность, их распространение, их хронологическую характеристику, позволяет уточнить и дефиницию, даёт возможность широкого сопоставления с другими языками. В статье делается попытка продемонстрировать значение таких данных для историко-этимологических интерпретаций немецкой фразеологии. С необходимостью обращения к интернету мы столкнулись давно, работая над первым изданием немецко-русского историко-этимологического словаря немецкой фразеологии. К нашему удивлению оказалось, что даже в наиболее полных и качественных историко-этимологических словарях немецкой фразеологии диахроническая информация для некоторых фразеологизмов не представлена. Но даже в случаях, когда в таких словарях такая справка даётся весьма детально, данные интернета предлагают существенные дополнения к ним, и нередко отличаются оригинальностью.

Типичный пример – история разговорного оборота *zu Tante Meier (Anna) gehen* – буквально: «пойти к тётки Майер». К нашему удивлению даже в самом основательном пятитомном словаре Люца Рёриха [Röhrich 2001], цель которого – раскрытие происхождения немецких фразеологизмов, нет ни только истории этого выражения, а оно отсутствует вообще. Правда, упоминание об этом выражении внимательный читатель всё-таки обнаруживает под вокабулой *Tante*: „So wird die Toilette mit `Tante Meyer` umschrieben“ [Röhrich 2001, 5: 646]. Как видим, это даже не дефиниция, а тем более историко-этимологическая справка.

Столь же малоинформативно описание этого оборота и в словаре разговорной речи Кюппера. Малоинформативна и информация Большого Дуденского словаря идиом [DZR 2007]. В этом словаре дана лишь дефиниция нашего оборота *zur Toilette gehen*, в то время как для других оборотов даётся достаточно развёрнутая историко-этимологическая информация. Отсутствует оборот и в большинстве двуязычных словарей немецкой фразеологии.

Здесь, в Оломоуце, мне особенно приятно отметить, что одним из исключений является именно немецко-чешский фразеологический словарь, изданный в Праге, и признанный лучшим словарём 2010 г. Эквиваленты к нашему немецкому обороту, найденные авторами, звучат, наверное, для чешского уха как музыка: *ona místnost; úřadovna; čítarna* (Heřman et al. 2010: 2107). Для меня, немца, однако, кажется, что в них не передана родственная коннотация, заключённая в образе нашего оборота. Кроме того, авторы этого замечательного словаря почему-то квалифицируют выражение как редкое (*selten*), что неверно, потому что его знает каждый пользователь туалета от трёхлетнего возраста до девяностолетнего возраста. Конечно, можно найти и в немецкой лексикографической продукции словарь, в котором делается попытка этимологизации этого разговорного оборота. Единственным мне известным справочником такого рода является словарь Кюппера [Küpper 1993: 822]. Обращение к интернету позволяет внести значительные уточнения как по поводу статуса этого фразеологизма, так и в его историко-этимологическую интерпретацию. Даже один из интернетных немецко-русских словарей прямо фиксирует его и точно определяет: **Tante Meier** шутл.: туалет, уборная ...¹

Частотность употребления в интернете убедительно свидетельствует, что он является и нередким и не устаревшим. Так уже простой поиск по Google дал нам почти астрономическую цифру: 755.000 употреблений. Не менее «щедр» интернет и на историко-этимологические комментарии оборота. Они, конечно же, отражая разговорную речь, окрашены народным юмором. Вот два из них, предлагающие близкое, но по-разному выраженное объяснение: „Bei diesem Ausdruck handelte es sich keineswegs um die Verwandtschaftsbezeichnung innerhalb einer Familie mit weit verbreitetem Namen: In Hamburg bedeutet „Ich geh ma ehm nach Tante Meier“ nichts anderes als die Absicht, austreten, zur Toilette gehen zu wollen. Die Klarform wurde als zu schenierlich (peinlich) empfunden.

¹ <http://de.academic.ru/dic.nsf/conversations/25324/Meier>. 21.7.2011.

Allerdings war die Toilette früher nicht so bequem zu erreichen und zu benutzen wie heute. Es galt schon als Komfort, wenn sie am Treppenabsatz für mehrere Mietparteien untergebracht war, aber häufiger war sie im Häuschen auf dem Hof mit Eimer oder Grube unter dem Sitz zu finden. In freier Natur ging man nicht nach Tante Meier, sondern zu Mudder Gröön.“² (В этом выражении речь идёт отнюдь не о родственных отношениях в одной семье с широко распространённым именем: В Гамбурге оно звучит по-диалектному и обозначает нечто иное, как намерение отправиться в туалет. Прямое обозначение этого процесса несколько мучительно. Но исходный смысл его оправдан тем, что раньше достичь туалета было не так удобно и практично как сегодня. Комфортом считалось уже то, что иногда туалет находился на этаже жилого дома для пользования многими семьями, чаще же это была деревянная будочка во дворе с ведром или ямкой под деревянным сидением. На вольной же природе ходили обычно не к тётё Майер, а «зеленой матушке»). Как видим, простой оборот в интернете стал каналом серьёзной культурологической информации.

Аналогичную картину даёт обращение к интернету при поиске фразеологизмов в широком смысле слова. Так, ни в одном из печатных немецких словарей и паремилогических собраний, включая и фундаментальный пятитомник Вандера, заинтересованный читатель не найдет пословицы *Getroffene Hunde bellen* (Собаки, в которых попали, лают. – рус.: На воре шапка горит.). Лишь отдельные популярные словари не проходят мимо этой пословицы [Sprichwörter 2003: 101]. Интернет же даёт не только большое количество употреблений, указывающих на широкое распространение этой пословицы, но и толкование и комментарии к ней³. Несколько парадоксален факт, что во фразеологических словарях, изданных в некоторых славянских языках, эта пословица фиксируется и сопровождается очень популярным эквивалентом: *Getroffener Hund bellt.* – *На злодієві шапка горить* [НУФС 1981, 1: 354] и русское *На воре шапка горит* [НРФС 175: 301].

Именно интернетные данные свидетельствуют о том, что эта пословица может быть отнесена к паремилогическому минимуму, т.е., к центру, а не периферии системы пословиц немецкого языка.

Показательно, что в интернете мы находим точную дефиницию пословицы. Она показывает, что украинские и русские эквиваленты не совсем точны: „Wenn man etwas von sich weisen will, dann erfolgen solche Reaktionen auf Schuldgefühle, man will sie gar nicht erst zulassen“⁴. – Когда кто-л. хочет демонстративно отказаться от каких-л. обвинений или подозрений, то он такой реакцией и чувство или признание вины категорически отвергает. Ср. это толкование с лапидарно чёткой дефиницией пословицы, которое дал В. П. Жуков: «Тот, кто чувствует за собой какую-л. вину, своим поведением неволь-

² <http://www.abendblatt.de/ratgeber/specials/article725095/Tante-Meier-Beeten-schenierlich.html>. 21.7.2011.

³ http://de.wikiquote.org/wiki/Deutsche_Spruchw%C3%B6rter#G.21.7.2011.

⁴ <http://de.answers.yahoo.com/question/index?qid=20080403013804AArLA3B>. 21.7.2011.

но выдает себя». [Жуков 1991: 182]. Семантическое различие русской и немецкой пословицы довольно велико, не говоря уже о бросающемся в глаза различии в образности. И подчеркнём ещё раз, выявить это различие помогает именно интернет. Добавим при этом, что в другом интернетном источнике толкование даётся с помощью синонимической пословицы: *Angriff ist die beste Verteidigung*.⁵ – *Нападение – лучшая защита*.

Ещё более значимо для исторической фразеологии – стремление интернетных источников комментировать внутреннюю форму идиоматики и паремологии. В этом смысле наш пример также весьма примечателен: пословица в принципе по образу прозрачна, но в интернете посчитали целесообразным её комментировать: Когда кого-то побили или попали в него камнем, то он будет выть – тем более, если он и не «виноват»⁶. Разумеется, в интернете с его плюрализмом попадают довольно часто и народно-этимологические толкования внутренней формы. Не избежала такой участи и пословица о «лающей собаке». В одном из интернетовских порталов находим такое объяснение: „Getroffene Hunde... Hintergrund dabei ist, dass du einen Hund mit einem Gegenstand bewirfst oder schlägst und er daraufhin bellt. Das Wort “betroffen” heißt eher “innerlich bewegt sein”. ... also ich kenn es als betroffene Hunde bellen, weil die, die es betrifft regen sich immer am meisten auf. das bedeutet es wohl⁷. (Образный фон пословицы заключается в том, что ее исходная форма не *getroffen* / быть объектом попадания/, а *betroffen* /смущённый; растерянный/, значит, собака внутренне растеряна из-за несправедливости). Мы видим, что здесь довольно типично народно-этимологическое толкование пословицы, ибо диахронически почти всегда анималистическая метафора предшествует его употреблению в адрес человека. Тем более, что здесь это подтверждается нашей пословицей с глаголом *betroffen* и отсутствием даже в интернете с этим глаголом.

На относительно простом примере мы показали достоинство интернетного материала. Они ещё больше вырисовываются при более сложных случаях, когда внутренняя форма не осознаётся однозначно ни носителями языка, ни профессиональными интерпретаторами. Вот ещё один типичный пример, относящийся к тому же животному: *Kommt man über den Hund, kommt man auch über den Schwanz*. (посл.) - 'Если главное препятствие преодолено, то остальное пустяки' (букв. перешагнув через собаку, перешагнёшь и через её хвост). Русскими эквивалентами её, пусть и не совсем адекватными, можно назвать такие: *Было бы начало, будет и конец. Пошло дело в завязку, дойдёт и до конца. Была бы голова, а хвост будет. Дело без конца что кобыла без хвоста*.

На первый взгляд образ немецкой пословицы прозрачен, поскольку действительно, переступив через большого пса, переступаешь и его хвост. Чаще всего интернет и следует такому толкованию. Однако, многие немецкие фольклористы и историки языка реконструируют в ней иной образ, совершенно

⁵ там же.

⁶ там же.

⁷ <http://www.gutefrage.net/frage/betroffene-getroffene-hunde-bellen>. 29.7.2011.

не относящийся к нашему домашнему животному. Одни считают, что слово *Hund* здесь значит народное обозначение созвездия Сириус (букв. созвездие Пса), связанного с наименованием самого жаркого времени года – *Hundstage* (букв. «Собачьи дни» - 24-го июля – 24-го августа). Если это знойное время прошло, то дальше будет намного легче. Отражаются ли такие «профессиональные» интерпретации в интернете? Конечно, отражены. Так, например, портал *Wetter24.de*⁸ приводит как научную, так и названную народную интерпретации термина. В своём словаре идиоматики [Walter, Mokienko 2011] мы пришли, однако, к другому объяснению. Вероятно, эта пословица возникла на основе северонемецкого диалекта. Так, на острове Зилт (Sylt) на северозападе Германии, во фризском диалекте пословица имеет форму *Kumt em aur Hünd, da kumt em uk a ur Stört*, а в городе Клеве (Kleve), также на севере Германии – *Kommt gei over den Hond, dann kommt gei ök over de Start* (ср. также варианты пословицы в этих же регионах, приведенные выше). Прежде остров Зеланд (Seeland) не был отделён ни от Голландии, ни от Фламандии. Со временем море углубило реки, которые разделили этот остров и заметно расширило их. Вследствие этого и образовался сам остров. Западное устье реки, вымытой морем, было названо Западной Шельдой (*westlichen Schelde*), а в народной речи – *Hunt* или *Hunte*. Поэтому и деревня, расположенная на этой реке, была названа Хунтерниссе (*Hunternisse*). Река *Hunte* протекает недалеко от города Влиссингена (Vliessingen) по направлению к Антверпену. При западном штормовом ветре вода реки Хунте сильно подымается, а ближе к Антверпену становится мельче. Моряку, прошедшему широкую часть реки Хунте, легче плыть в своём судне по её более мелкой части, которая в народной речи и была названа «хвостом» (*Schwanz*) за её суженную форму. Лишь случайное созвучие названия реки *Hunte* с названием собаки *Hund* привело к народно-этимологическому объяснению пословицы.

Как видим, хотя мы постоянно подчёркиваем важность интернета для расшифровок немецких фразеологизмов, кардинальных различий между «классическими» книжными интерпретациями и интернетными нет. Плюс интернетных материалов – их оперативная доступность, множественность и представленность во многих контекстах. Можно назвать интернет действительно открытым демократическим источником, и в интересующем нас аспекте, а именно историко-этимологической информации. Нельзя, однако, не обратить внимания и на минус (пусть и относительной) интернетной информации: он вытекает именно из «демократичности» интернета, порождающей плюрализм интерпретации, и некритическое отношение к любой из них. Вот почему при пользовании интернетными источниками необходим трезвый критический подход к ним и проверка всех данных. Только при таком подходе интернет станет ценным подпольем всех, кто стремится к поиску истины при анализе фразеологии.

⁸ <http://www.wetter24.de/wetter-news/news/ch/e3a786e2a8775de0103a16b82odd1767/article/hundstage.html>. 1.9.2011.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- DZR 2007: *DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion, Mannheim 2007.*
- HEŘMAN, K., BLAŽEJOVÁ, M., GOLDHAHN, H. a kol. (2010): *Deutsch-tschechisches Wörterbuch der Phraseologismen und festgeprägten Wendungen. M-Z. 1. vydání, Praha.*
- KÜPPER, H. (1993): *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, Stuttgart-Dresden.*
- RÖHRICH, L. (2001): *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd, Frei burg, Basel, Wien.*
- Sprichwörter 2003: *Das große illustrierte Buch der Sprichwörter und Spruchweisheiten. Sprichwörter und Sagworte. Hrsg. v. Karl August Fritz. Köln.*
- WANDER, K. F. W. (1987): *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. I–V, Leipzig 1867–1889. Ndr. Kettwig.*
- ЖУКОВ, В. П. (1991): *Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М. 1991.*
- НРФС 1995: *Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Л. Э. Бинович и Н. Н. Гришин. Под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. второе, М. 1975.*
- НУФС 1981: *Німецько-український фразеологічний словник. Уклали В.І. Гаврись, О-П. Пороченко. Т. І. А-К. Т. ІІ. L-Z, Київ.*

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА

Чехия, Градец Кралове

ЧЕРЕЗ СЕМАНТИКУ ОНИМОВ К «СОКРОВЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ» А. ПЛАТОНОВА

ABSTRACT:

Semantics of Homonyms and The Secret Man of A. Platonov

The paper presents the analysis of the Andrei Platonov's "Yushka" and "Foundation Pit" stories, of the author's concept expressed by the means of naming symbolism and chronotope. The terms of symbolism and chronotope are the "keys" to comprehension of Platonov's "secret man" character, to revelation of conceptual ideas behind the writer's creativity, implemented in the stories: the integral value of human life, of "living with all and for all".

KEY WORDS:

Yushka – Voshchev – "Foundation Pit" – "God's fool" – "secret man".

Художественный мир А. Платонова изобилует интересными и загадочными названиями произведений: «Чевенгур», «Фро», «Джан», «Юшка» и т.д. Прием «говорящих» имен не нов для русской литературы, но у А. Платонова он обретает особое звучание. Художественный мир писателя связан сложной системой образов-символов, которая организует собой весь текст. Причем, символика названий занимает в нем одно из важнейших мест. Одним из доминантных образов в поэтике писателя является образ *сокровенного человека*.

Словарная работа со словом *сокровенный* приближает нас к пониманию образа сокровенного человека. Обратимся к семантике слова. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля дает следующее толкование: Сокровенный – 'сокрытый, утаенный, тайный, потайной, спрятанный или схороненный от кого'. В словаре С. И. Ожегова находим: Сокровенный – 'свято хранимый, тайный, задушевный'. А. Платонов писал: «Человек есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах». [Платонов 1921]

Итак, *сокровенный* – 'сокрытый, тайный, живущий глубокой внутренней жизнью'. В звучании корня -кров- невольно слышится омонимия со словом *кровь*. Близки ли эти слова этимологически? Этимологический словарь

М. Фасмера указывает на различное происхождение слов. При разной этимологии этих слов они, однако, близки в религиозном понимании.

«Сокровенное есть принцип бытия человека. Этимологически понятие «сокровенное» происходит от славянского «кров», имеющего несколько смысловых оттенков. Во-первых, укрывание, закрывание, защита. Во-вторых, полагание предела, границы. Первый смысловой оттенок мы видим в словах «кровля», «покров», «покровитель». Второй смысловой оттенок связан с тем, что Бог для пользы самого человека полагает различные границы, пределы и по мере готовности снимает покровы с окружающего, раздвигает границы и убирает пределы. Сокровенность предполагает не только хранящее, но и хранимое: «кровь», «сокровище». Среди безличных стихий человек должен хранить свою уникальную, Богом данную личность, образ Божий». [Богомяков 2000]

С одной стороны, «сокровенный» означает потаенный, скрытый от глаз окружающих, внутренний человек. С другой стороны, приставка со- обозначает соединение (сокровенный, т. е. одной крови со всеми и всем). Итак, «сокровенный» герой А. Платонова – это человек с «сокровищем» в душе, с «обнаженным» сердцем, чувствующий свою сопричастность ко всему в мире, «близкий всем людям по крови, по участи, по судьбе». [Кузьменко 1991: 35]

Следовательно, перед нами иноформа – «варианты похожие или мало похожие друг на друга, но обладающие несомненным внутренним единством». [Карасев 1995: 5] Реализация иноформы «сокровенный» в тексте рассказа «Юшка» идет через символику названий и хронотоп произведения.¹

Имя «сокровенного» героя рассказа является своеобразным «ключом» к литературному образу. Литературовед В. Васильев обращает внимание на «исключительную щепетильность и точность прозаика (А. Платонова – Е. В.) в выборе номенклатурных обозначений: названий произведений, имен героев». [Васильев 1982: 181] Итак, Юшка – «жижа, грязь, кровь»; Ефим – «благочестивый»; Дмитрий – «плодородный».

Обратимся к тексту и посмотрим, как семантика имен героя реализуется в художественной ткани рассказа.

Кроткий Юшка, которого люди называют «блажной», «непохожий», «божье чучело», «юрод негодный» – главный герой платоновского рассказа. Он, действительно, отличается от других, живет скромной обособленной жизнью, носит одежду, напоминающую «рубашку». Каждый считает своим долгом обидеть его. Несомненно, образ героя связан с фольклорным образом дурака, на что А. Платонов прямо указывает и «номенклатурными обозначениями». О фольклорном образе дурака Ю. И. Юдин пишет: «Добрый, наивный и чистый герой, желающий людям самого лучшего, попадает в положение отверженного, высмеиваемого и даже жестоко избиваемого, опять же под громкий смех».

1 Более подробно см.: Васильева Е. А. Роль символики названий в раскрытии образа «сокровенного человека» А. Платонова (на примере анализа рассказа «Юшка»). In: Dialog kultur V [elektronický zdroj]: mezinárodní vědecká slavistická konference / editoři Oldřich Richterek, Miroslav Půža. – Vyd. 1. – Ústí nad Orlicí : Oftis, 2009. – 1 CD-ROM – s. 646-652

[Юдин 2006: 111] Через все эти коллизии проходит платоновский герой. Он вне общества. Но, обращаясь к онимам, мы видим двоякую природу этого образа, раскрывающуюся в сюжетно-композиционном построении произведения: тот, над кем смеялись и кого поносили, одержал нравственную победу над убогим общежитием, принятым жизненным укладом. Юшку называют «юродом негодным». Юродство на Руси считалось актом христианского подвижничества, к юродивым относились с большим уважением: «Народ считает юродивых божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие и предвидение». [Даль, IV: 669]

Библейские реминисценции пронизывают текст произведения. Они помогают понять проблематику рассказа и его идейное содержание.

«...Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благодарите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас» (от Матфея 5:44).

Юшка радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его. («Юшка») Н. М. Малыгина отмечает связь образа сокровенного человека с образом Христа. «Различные модификации образа Спасителя встречаются в произведениях писателя. <...> Отдельными элементами образа Спасителя Платонов наделяет сокровенного странника». [Малыгина 1995: 38–41]

Кроткость, смирение, жертвенность, непротивление злу насилием, исключительная доброта – все эти качества Христа воплотились в герое А. Платонова.

Душа героя наполнена жертвенной, божественной любовью. Его доброта не позволяет замечать в людях плохое: «*Меня, Даша, люди любят*». «*Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам*». Люди не давали его любви раскрыться полностью, он изливал ее всему живому, природе: «*Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтобы они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жучков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим*». Мысль о взаимосвязи всего живого, о цепочке добра и любви воплощена в рассказе («*Человек и Вселенная – одно, и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве...*») (А. Платонов). [Коровина 1993: 234]

Одинокий Юшка своей жертвенной и бескорыстной любовью «согрел» и вырастил девочку-сироту. Автор рассказа осознанно «высвечивает» этапы жизненного пути той, кого призрел Юшка: «никто» – «сирота» – «девушка-врач» – «дочь доброго Юшки».

Мы считаем, что упоминание о профессии девушки-врача также значимо для понимания главной идеи рассказа. В этом также прослеживаются библейские реминисценции: Христос исцелял духовные и физические немощи людей. Исцеляющий Свет Христов вечен. Сокровенный человек передает его другим как величайшее достояние бытия. Юшка «светил» людям чистотой своих помыслов и искренностью поступков, и это был первый шаг к единению людей в рассказе. Девушка-врач делает второй: она видит в мрачных душах окружающих отрадный просвет (след жертвенной жизни Ефима Дмитриевича) и сама

активно способствует излечению близких, «утешая больных людей, не утомляясь утешать и отдалять смерть от ослабевших». «Так всякое доброе приносит плоды добрые», – гласит Евангелие от Матфея.

Таким образом реализуется в рассказе семантика имени героя. Жизнь благочестивого Ефима Дмитриевича (от имени богини плодородия Деметры) стала благодатной почвой для семян добра, без которого не выжить обществу.

Перед смертью герой пророчески заявляет: «Я тоже всему свету нужен!» Действительно, разомкнулся привычный круг жизни, и вот зло и глумление остается между людьми, пока не появляется другой человек – девочка-сирота, выращенная Юшкой, исполняющая свой обычный врачебный долг, а также врачующая сердца и души людей. Преодоление сиротства возможно через круг добра. Н. В. Корниенко пишет: «Сирота земного шара», «круглый сирота», «член общего сиротства» – это ключевые образы-понятия, ставшие лейтмотивами платоновского мира. Сиротство у Платонова – это не только индивидуальная черта характера, но и знак-символ разрушенной целостности национальной жизни, обезбожения мира и человека. Оно равновелико «великому немому горю вселенной». [Корниенко 1998: 41–61] Непрерывный круг добра и любви способен преодолеть сиротство, вернуть людям мир и покой.

Сопоставление всех имен героя произведения дает картину незаметной праведной жизни, ставшей благодатной почвой для семян добра, проросших сотнями добрых дел «дочери доброго Юшки», «которая лечит и утешает больных, не утомляясь утешать страдание», делать добро. И тот, кто был для всех **грязью** под ногами, стал необходим, как **кровь**. Юшка – это кровь, значительная потеря которой губительна для организма, он – воплощение добра и любви к человеку, без которой бы мир исчез.

Через символику названий концептуальные идеи творчества писателя звучат в рассказе. Идеи самоценности человеческой жизни, «жизни со всеми и для всех», взаимосвязи всего во Вселенной, реализующейся через единство труда, любви и памяти.

В произведении «Котлован» фамилией героя Воцев автор отвечает на вопросы: «Как же чувствует себя человек в этом инверсированном, богооставленном мире? Какова степень его личного участия и личной ответственности за происходящее? Сможет ли человек обрести истину в этом мире?» Исследователи предлагают различное толкование имени Воцева. Так, М. Золотонос утверждает, что «фамилия эта происходит от древнего страдательного причастия **вотчим**, что значит **«получить в отцы»**. Воцев, мучающийся незнанием смысла жизни, – это человек, который принципиально получил в отцы нового идола». [Золотонос 1990: 189]

Иной круг опорных слов-ассоциаций очерчивает Е. Толстая-Сегал: по ее мнению, в фамилии Воцев «корень ассоциируется не только с **воск/вощ** (как **вощенный**), но также и с фонетически неотличимым **вообще**, что в просторечии **ваще**; с близким **вотще** или **во щи**, ср. **попал, как кур во щи** – переосмыслено из в ошип; эти добавочные смыслы взаимодействуют друг с другом, в результате получается как бы веер значений: воск/вощ – «обыденный, природ-

ный и хозяйственный материал», вообще – идея общности; связанная с вотще идея тщеты, странным образом этот спектр значений совпадает с основными семантическими и сюжетообразующими характеристиками персонажа». [Толстая-Сегал 1978: 154–155] В. П. Крючков считает связь Вощев с воск/вощ наиболее вероятной и логичной: «При этом актуализируется значение мягкий, податливый, поддающийся формовке; то есть то свойство воска, которое традиционно осознается как наиболее ему присущее». [Крючков 1998: 64]

Поиски смысла жизни героем исследователи характеризуют как «тщетные, напрасные» (Е. Толстая-Сегал, А. Харитонов). Однако Вощев обретает счастье, участвуя в убийстве активиста: *Вощев ударил активиста в лоб – для прочности его гибели и для **собственного сознательного счастья....*** Свойственный перевернутому миру, губительный для души смысл жизни обретает герой. И над телом Насти он *согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды, лишь бы девочка была целой.*

Человек теряет душу, истины нет, будущего нет – таков печальный итог «Котлована», таков путь героя к себе – потеря одухотворенности. Обретение себя как человека «одухотворенного» – одна из доминантных идей писателя, особенность его конфликта, идейно-нравственной проблематики его творчества. В произведении «Котлован» она показана в инверсированном виде как потеря духовности, нивелировка личности.

Дополнительные оттенки понимания символики имени главного героя произведения предлагает Е. Н. Проскурина. Она сопоставляет имя Вощева (как производное от «воск») с идеей дома-очага («Жилье покоя века занято странными людьми, от которых пахло воском» («Чевенгур») и связывает его образ с исконной традицией русской жизни, центром которой был семейный дом-очаг. Исследовательница, опираясь на архивные изыскания Н. Корниенко, в качестве доказательства своей мысли приводит пример черновой наброска под названием «Малолетний», где писатель изображает нечто вроде предстории своего героя (имя героя наброска такое же, как и в «Котловане» – Вощев). У Вощева есть уютный дом, любимая и любящая жена. Он дорожит своим семейным счастьем и боится его потерять. [Проскурина 2001: 69] Однако повесть «Котлован» уже не содержит никакой информации о предшествующей жизни Вощева. На первой же странице герой изображен бездомным, потеряннным и одиноким. Возможно, когда-то душа героя знала истину, была наполнена светом любви, а теперь «она перестала истину знать».

Н. М. Малыгина считает, что в любимом платоновском герое-страннике сосредоточены черты Спасителя. [Малыгина 1995: 38] Действительно, возраст 30-летия, когда Вощев отправляется на поиски истины, совпадает с началом служения Христа. А. Харитонов в своем исследовании расширяет значение этого мотива, проводя параллели со словами пророка Исая: «Я сказал себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка дней моих» (Ис. 38:10). Таким образом, исследователь актуализирует в образе Вощева мотив сошествия Спасителя в ад. [Харитонов 1995: 77] Е. Н. Проскурина отмечает инверсированность этого мотива в произведении:

«Герой, душа которого находится в том состоянии, когда «истину она перестала знать», пытается выдумать «что-нибудь вроде счастья» – в целях «улучшения производительности». Так выявляется псевдо-мессиянская, то есть анти-христова природа начинаний Вощева, ибо «выдумывание» счастья для «улучшения производительности» есть не что иное, как «инверсия, перевертыш естественной логики жизненных ориентаций». [Проскурина 2001:81]

Исследовательница предлагает свою интерпретацию имени героя, связывая имя с состоянием пустоты, в котором пребывает платоновский мир.

В Толковом словаре Даля слово **вощаной** означает '**подобный воску**, а **вощина** – это '**ячейки без меду, сухие соты, сушь**', так же как и '**воща**', означающая '**старую, пустую вощину в улье**'. [Даль, Т. 1 : 249] Признание своей внутренней опустошенности как косвенная переключка с семантикой собственного имени звучит в одной из реплик героя: *«Все живет и терпит на свете, ничего не сознавая, как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе»*. [Платонов 1989: 73] Итак, поиск оставленного Дома, Вечного Града, внутренняя опустошенность, тщетность поисков истины и тщетность существования в богооставленном мире, уподобление человека эпохе актуализируются в имени главного героя повести «Котлован» и составляют основные сюжетные линии произведения.

Таким образом, «номенклатурные» (В. Васильев) названия А. Платонова маркируют собой художественное пространство произведений писателя и играют в авторской концепции важную роль. В семантике имен часто заложен ключ к пониманию авторского замысла. Семантика имен философски многопланова. Концептуальные идеи творчества писателя раскрываются через семантику антропонимов. Образ «сокровенного» человека тесно связан с фольклорными образами странников, а также с архетипальным образом Христа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БОГОМЯКОВ, В. Г.: *Кров и кровь*. <http://ihtus.tyumen.ru/27.shtml>
- ВАСИЛЬЕВ, В. В. (1982): *Андрей Платонов: Очерк жизни и творчества*. М.
- ДАЛЬ, В. И. (1981–82): *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1 – 4. Т. 4. М.
- ЗОЛОТОНОСОВ, М. (1990): *Усомнившийся Платонов («Чевенгур», «Котлован»)*. In: Знания, N 4.
- КАРАСЕВ, Л. В. (1995): *Онтологический взгляд на русскую литературу*. М.
- КОРНИЕНКО, Н. В. (1998): *Платонов* In: *Русская литература XX века*. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. В 2 частях. Ч. 2 / Под ред. В. В. Агеносова. М. С. 41–61.
- КОРОВИНА, В. Я. (1993): *Литература: Учебная хрестоматия для 7 класса средней школы*. М.
- КРЮЧКОВ, В. П. (1998): *Вощев и его поиски вещества существования. О символике имени главного героя повести А. Платонова «Котлован»*. In: *Литература в школе*, N 7, с. 63–66.
- КУЗЬМЕНКО, О. А. (1991): *Андрей Платонов : призвание и судьба. Очерк творчества*. Киев.
- МАЛЫГИНА, Н. М. (1995): *Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие*. М.
- ПЛАТОНОВ, А. П. http://imwerde.de/pdf/platonov_zametki_1921.pdf
- ПЛАТОНОВ, А. П. (1989): *Живя главной жизнью*. М.
- ПРОСКУРИНА, Е. Н. (2001): *Поэтики мистереальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов (на материале повести «Котлован»)* Новосибирск.
- ТОЛСТАЯ-СЕГАЛ, Е. (1978): *О связи низших уровней текста с высшими (проза А. Платонова)* In: *Slavica Hierosolymitana* 1978, Vol. 2. p. 169–212.
- ХАРИТОНОВ, А. А.: *Архитектоника повести А. Платонова «Котлован»*. In: *Творчество Андрея Платонова : Исследования и материалы*. Библиография. СПб. 1995.

ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ

Чехия, Оломоуц

МАЛЫЕ СЛОВА ВЕЛИКОГО ЯЗЫКА II/2 – «ФИГА – ФИГ» И ЕГО ДЕРИВАТЫ

ABSTRACT:

Small Words of the Great Language II/2 “Figa – Fig” and its Derivates

The article deals with analysis of the Russian colloquial and vulgar word ‘figa’ (fig). In the introduction the author refers to his previous article devoted to the same topic. In this article attention is paid to derivational potential of the word ‘figa’; all possible (about 60 lexemes) derivates are listed in a table. Particular words are then analyzed from the point of view of their functional use and their meanings. The meanings are often rather vague, dependent on context. Some units express positive meanings, characteristics, others negative.

KEY WORDS:

‘Figa’ – ‘fig’ – lingvoculturology – symbol – gesture – magic – semantics – etymology – gender – morpho-syntactic features – functional use – polysemy – vagueness of meaning – word-formation – derivation – derivates – meanings.

О. Итоги первой части. В нашей статье *Малые слова великого языка II/1 «Фига – фиг»* [Воборил 2010] мы рассмотрели некоторые аспекты данного феномена, слова, единицы русского языка, русской культуры. **Фига – слово иноязычное.** Языком-посредником называют немецкий, польский или французский языки, языком источником является, вероятно, латынь (“*figus*”). В современном русском языке «фига» имеет **четыре значения**: 1. ‘инжир, смоква, фиговое дерево’; 2. ‘кукиш, шиш, дуля’; 3. ‘сыщик, шпион’; 4. ‘любая вещь’. Фига – это и **известный жест**, употребляемый в конфликтных ситуациях, ссорах, выражающий ‘резкий отказ’, ‘утверждение’, часто с оттенком унижения. Фига – это и **символ плодородия**, сексуальности, вследствие чего она считается жестом непристойным, обценным, символом сексуального акта. В магической практике, в свою очередь, фига служит универсальным оберегом, **средством защиты**, способным отвести нечистую силу, напасть. Не в последнюю очередь, она является аллегорией **невысокой цены, ничтожности**. С морфолого-синтаксической точки зрения, слово фига как единица языка привлекает внимание своей **двойственной родовой принадлежностью**. Сочетаясь с разными предложениями, она входит в целый ряд более менее устойчивых сочетаний,

выражающих отказ, отрицание, презрение, недовольство, в рамках которых семантика собственно слова «фига» довольно расплывчата. В результате десемантизации, она приобретает **грамматический статус** как существительного, так и других частей речи: местоимения, предикатива, междометия.

1. Цели и методика исследования. Цель настоящей статьи – раскрыть словообразовательный потенциал слова «фига», создать его словообразовательную парадигму, охватывающую как можно больше однокоренных слов (свыше 60 единиц), с ее словообразовательными рядами и гнездами; указать функционирование отдельных дериватов слова в контексте, дать их грамматическую характеристику, определить семантику. Корпус материала¹ для статьи составлялся по результатам поиска в русском Национальном корпусе [ruscorpora.ru]; выборочно привлекаются иллюстративные примеры, найденные в Интернете с помощью поисковой программы yandex.ru. Примеры приводятся в той записи, в которой они найдены, т.е. с отклонениями от правил пунктуации и орфографии.

2. Словообразовательная парадигма слова «фига»

Фиг/а			
фиг/а – ньк – и			
фиг/а – рис			
фиг/а – тень			
фиг/а – ц (ия)			
фиг – ищ (а)			
фиг – н (я)	фиг – н – юшк (а)	фиг – н – юшеш – к (а)	
фиг – ул (я)	фиг – ул – к (а)		
	фиг – ул – ечк (а)		
	фиг – ул – ин (а)	фиг – ул – ин – к (а)	
	фиг – уг – ул-ин (а)	фиг – уг – ул – ин – к (а)	
фиг – ушк (а)			
фиг – ов (ый)	фиг – ов – ин (а)	фиг – ов – ин – к (а)	
	фиг – ов – еньк (ий)	фиг – ов – еньк – о	
	фиг – ов – ск (ий)	фиг – ов – ск – и/о	
	фиг – ов (о)		
фиг – ану – ть	фигану – т (ый)		
фиг – ар – и – ть	за – фиг – ар – и – ть		
фиг – а – ть – ся			
фиг – ач – и – ть	за – фиг – ач – и – ть	за – фиг – ач – и – ть – ся	
	на – фиг – ач – и – ть		
	от – фиг – ач – и – ть	от – фиг – ач – и – ть – ся	
	с – фиг – ач – и – ть	с – фиг – ач – и – ть – ся	
фиг – е – ть	за – фиг – е – ть		
	о – фиг – е – ть	о – фиг – е – вш (ий)	
		о – фиг – е – ни (е)	
		о – фиг – ень	
		о – фиг – ева – ть	
		о – фиг – сльн (ый)	о – фиг – ельн – о
		о – фиг – енн (ый)	о – фиг – енн – о
		о – фиг – енск (ий)	о – фиг – енск – и
		о – фиг – ительн (ый)	о – фиг – ительн – о
		одно – фиг – ств – енн (ый)	одно – фиг – ств – енн – о
пофиг/у	по – фиг – ист	по – фиг – изм	
		по – фиг – ист – ск (ий)	по – фиг – ист – ск – и
		по – фиг – ист – ическ (ий)	
			а – по – фе/иг – е (й)

1 У отдельных единиц ниже приводятся цифры, указывающие количество вхождений единиц в Национальный корпус (первая цифра в квадратных скобках), или же сколько раз выдала эту форму поисковая программа (вторая цифра). Цифры являются ориентировочными; это необработанные данные, когда не принимались во внимание косвенные формы исходных лексем, и ввиду огромного объема не была устранена омонимия данных форм.

В результате поиска в указанных выше корпусах получилась приведенная таблица – словообразовательная парадигма слова «фига», которая включает как несколько гнезд, так и рядов. В гнездах, рядах имеются не только имена существительные (24), но и прилагательные (10), наречия (9) и глаголы, глагольные формы (17). Однако, как мы увидим ниже, в силу расплывчатости, диффузности лексической семантики многих перечисленных единиц, они отличаются синкретизмом на уровне их грамматического статуса, получая функциональные характеристики других частей речи.

3. Лексические значения отдельных дериватов слова «фига»

По результатам исследования, к наиболее употребительным субстантивным дериватам лексемы «фига» относятся слова **фигня** [385/15 млн] (*фигнюшка* [2/59 тыс.], *фигнюшечка* [0/1]) и **фиговина** [8/256 тыс.] (*фиговинка* [1/29 тыс.]). Семантическую наполненность слова «фигня» можно примерно свести к следующим семам: 1) любая вещь, вещица, ситуация, явление (*Совершенно согласен... потом еще выяснится, что для этой **фигни** материала требуется столько, что проще готовый предмет купить...*); 2) что-нибудь незначительное, малозначимое, не заслуживающее внимания 'пустяк', 'ерунда' (*А так создается голимое впечатление, что взрослые мужики занимаются полной **фигней**.*); 3) оценочная характеристика чего-либо как негодного, не неприятного 'гадость', 'нелепость'; 4) 'глупость', 'выдумка', 'чушь' (*И даже не просто неправда, а откровенная **фигня!***). «Фиговина» – это и 'штука', 'штуковина', 'прибамбас', 'штукенция', 'деталь' (*Эта такая **фиговина**, в которую засовывается мел и которая цепляется на карман // на столе генерального выставочно возникали суррогатно-шоколадные батончики с арабской вязью, чунгам шариками-подушечками-**фиговинками** ...*).

Менее употребительным, но довольно близким по значению является лексема «фигуля» и его дериваты: **фигуля** [1/14 тыс.] (*фигулька* [3/25 тыс.], *фигулечка* [1/2232], *фигулина* [0/14 тыс.], *фигулинка* [0/2814], *фигугулина* [0/7], *фигугулинка* [0/2]): *Он думает, что с этим торнадой все в его власти! **Фигули** на рогули! От расстройства я решила пахнуть, как в рекламе // Вообще-то целью было не расхвалить мое «не знаю что», а объяснить, что **фигулечка** – это сделанная руками штуковина, энергетически теплая, которую берешь в руки, и отдавать уже не хочется. // Не обсудить так пожаловаться. Была маленькая **фигулинка**, которой в принципе и россияне (я знаю) завидовали - Удостоверение руководителя. // // и у меня такая же **фигугулина** уже зй день все время состояние тошнотворное но не блюю(((и кушать чет не хочется((// для прикола эстетического со всякими **фигугулинками**. вскрыл я ее на два слоя какой модной штукой лаком с антисептиком, вид приняла очень приятный, остался столик и большой чайник.*

Лексема «фигушка» является синонимом слова «фига» с тем же значением, т.е. 'фига', 'кушиш', используется, главным образом, в форме мн. числа, имея грамматический статус междометия, функционально выражая отказ, несогласие типа 'дудки', напр., *Походишь, походишь, глядишь, и другие начнут.*

– **Фигушки**, – фыркнула Ира. – Тут даже шорты внедрить невозможно // Следуют, стало быть, рекомендации Пруста? **Фигушки!** Книга тут же валится из их цепких, в принципе, рук.

Дальше рассмотрим дериваты, которые встречались гораздо реже, а именно: *фиганьки* [0/372], *фигарис* [0/512], *фигатень* [0/3603], *фигаця* [0/510] и *фигища* [2/489], *офигень* [0/760], *офигение* [23/53 тыс.], напр., «А **фиганьки!** :) Если в дереве есть более свежий ебилд, он поставит его без разговоров!"; Я извиняюсь за **фиганьки** Только этот факт хотела огласить (не **фиганьки**, а что выгодней), не более. // Может, и **фигарис** какой!* Возьми глаза в руки и смотри сквозь стекла! Может, сыщик какой! Гляди, не **фигарис** ли каплюжрый ... // вот такая **фигатень** при попытке установить с диска, чё делать ума не приложу; Фигня а не тест полная **фигатень**!!!! // Какие-то поля задействованы. И я докопаюсь, что это за **фигаця**. Прикинь; Вот если бы найти такое преобразование, чтобы от власти и борьбы ею и за неё перейти к какой-нибудь **фигацци**, а потом уже спокойно про **фигаццию** думать, чтобы внутренне не тошнило ... // **Фигища** мы ждем объяснений Весь день нам испортил проказник; Изначально вам дадут 10 Gb дискового пространства. А это - до **фигища!** За каждого привлечённого реферала вам прибавят 1 Gb. // Парень первый день на море – счастливый до **офигения**. Идет по пляжу, смотрит ... // отпадная же в том... э-э... месте, что ли? – не, не месте... в состоянии? – во! – в состоянии и **офигень** же получилася эта самая!

Лексема «фиганьки» близка по содержанию к лексеме «фига», «фигушка». Имея статус междометия, она выразит 'отказ', 'несогласие', кстати, как и форма «фигища», в качестве существительного она может обозначать любую вещь, явление как и слова «фигаця» или «фигатень». Лексема «фигарис» в уголовном, блатном жаргоне несет значение 'осведомитель', 'блатырь'. Лексема «фигища» чаще всего используется с предлогом до, выражая то же самое интенсифицирующее значение как «до фига». Слово «офигение» выражает высокую степень ужаса, наслаждения, красоты, восторга и т.п.; «офигень», в свою очередь, – это 'глубокая усталость', 'заикленность' или 'удивление'.

К прилагательным и наречиям, образованным прямо от лексемы «фига», принадлежат: *фиговый* [7/2 млн], *фигово* [3/1 млн], *фиговенький* [1/27 тыс.], *фиговенько* [0/11 тыс.], *фиговский* [1/5636], *фиговски/о* [0/17 тыс.]. В эту группу отнесем и дериваты третьей и четвертой степени, образованные от других префиксально-суффиксальных форм исходной лексемы «фига», напр., *офигельный* [0/670], *офигельно* [0/107], *офигенный* [38/2 млн], *офигенно* [31/1,5 млн], *офигенский* [0/294], *офигенски* [0/373], *офигительный* [15/1 млн], *офигительно* [13/350 тыс.], в том числе и сложное слово *однофигственный* [0/1760], *однофигственно* [11/14 тыс.]. Пр.: Девчонкам 100 рублей / стриптиз там какой-то **фиговый** был / мужской / мне / в общем / не понравился / Ясно. // О, дорогая, ты знаешь, мне **фигово** (мне действительно **фигово**) О, да, мне **фигово** (мне в натуре **фигово**) Мне **фигово**, хуже некуда (мне действительно **фигово**) Ааааа! // ...но фильм

правда **фиговенький** во всех отношениях // Забыть мне прошлое пора, всё что я хачу всё меня ожидает...Если мне придётся чемто пожертвовать то... **Фиговенько** вышло... // очень многие подкредитуются и купят более интересные **вещи**. ...дешёвый пластик в салоне и **фиговское** обслуживание, да и к надёжности оппозита есть нарекания... // Казань. да, **фиговско** подчиняться не очень образованным людям)) В начало. // приют для распития спиртных напитков, так как рядом 2 магазина. **Офигельный** пример для наших детей. Ближайший пункт милиции примерно в 15 км ... // Отдам безвозмездно, бесплатно, просто так. У меня есть лицензия на **офигельно** кульный компонент ... // **офигенный** турецкий хит // Парень говорит, что от меня **офигенно** пахнет и я хорошо целуюсь. Может ли это означать, что он в меня влюблен? // И что мне понравилось ну просто **офигенский** крем за 19 рублей (42 мл.) // Надеюсь ваш понедельник прошел так же **офигенски**, как у меня:). // Недавно посмотрел фильм «Время» 2011 – просто **офигительный** фильм, задумка просто супер. Теперь у меня есть свой сайт онлайн ... // Думаю, чтобы преуспеть в этом, нужно быть просто **офигительно** хорошей. Как это сделать? – Вы наверняка знаете и без меня. // Жалко, что Dove и Olay перестали такие штуки выпускать, дешевле было, а эффект **однофигственный**. Вы можете показать это желание на своем сайте, в блоге, в форуме и т.д... // Мне совершенно **однофигственно**, пойдешь ты или тут останешься. Я и сам справлюсь.

Слово «фиговый» имеет значение ‘связанный с фигой как деревом, ее плодами, инжирный’, но, главным образом, ‘плохой’, ‘некачественный’, ‘низкопробный’, ‘скверный’, ‘отвратительный’; другие возможные значения² приведены в сноске. Подобное значение несет и прилагательное «фиговский», «фиговенький»; наречия «фигово», «фиговски», «фиговенько» соответственно передают значение: ‘плохо’, ‘слабо’, ‘кое-как’, ‘нездорово’, ‘хреново’, ‘херово’, ‘неудовлетворительно’, ‘дурно’, ‘никудашно’, ‘несладко’. Вторая группа прилагательных, наречий («офигельный», «офигенный», «офигенский», «офигительный»; «офигельно», «офигенно», «офигенски», «офигительно»), наоборот, выражает положительную оценку, характеристику объекта: ‘хороший’, ‘прекрасный’, ‘замечательный’, ‘приводящий в восторг’, ‘невообразимый’, ‘потрясающий’, ‘интересный’, ‘занятный’, ‘забавный’. В отличие от двух предыдущих групп, слова «однофигственный», «однофигственно» выражают зна-

2 Инжирный, лажовый, дерьмовый, так себе, барахольный, дрянной, тяжкий, гроша ломанного не стоит, незавидный, черт те какой, неудовлетворительный, ломаного гроша не стоит, ни к черту не годится, хоть брось, негодный, плохой, завалящий, никуда не годный, левый, неважный, низкокачественный, нестоящий, ни к черту, хромает на обе ноги, подгулял, слабый, тяжелый, низкосортный, ерундовый, не того, дрянный, хреноватый, не то, не подарок, хреновый, никудашний, ниже среднего, смоконичий, никакой, занюханый, говенный, паршивый, низкого качества, ниже всякой критики, ни к черту негодный, чепуховый, скверный, не выдерживает критики, швах, плоховатый, ни черта не стоит, некачественный, зачуханный, никуда, третьеразрядный, третьесортный, нехороший, оставляет желать лучшего, оставляет желать многого, не выдерживает никакой критики, негодящий, неважнецкий, херовый. [http://de.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims]

чение 'равнодушности', 'безразличности'³ и семантически близки к лексемам «пофигу», «пофигизм», «пофигист», которые рассматриваются в самом конце статьи.

К глагольным лексемам, образованным от слова «фига», относятся (*фигануть* / *фигагнуть* [0/2010], *фиганутый* [0/573], *фигаться* [0/296], *фигарить* [0/4046], *фигачить* [2/62 тыс.], *фигеть* [3/16 тыс.]) и их префиксальные (*зафигачить* [6/154 тыс.], *нафигачить* [1/7888], *отфигачить* [2/2542], *сфигачить* [0/518], *офигеть* [2,3 млн], *офигевший* [11/530 тыс.], *зафигеть* [0/148]), префиксально-суффиксальные (*зафигачивать* [0/797], *офигевать* [16/2 млн]) или префиксально-постфиксальные дериваты (*зафигачиться* [0/287], *отфигачиться* [0/36], *сфигаться* [0/1]).

Пр.: Конечно можно **фигануть** на всю картинку *Surface Blur*, но тогда будет потеряна фактура кожи // В смысле Чубайс как раз Невольный Каменщик! Он – **фиганутый** на голову масон, работающий круглые сутки, человек ... Глагол «фигануть» имеет значение 'быстро что-то сделать'; форма «фиганутый» употребляется со значением 'сумасшедший', 'чоткнутый', 'ненормальный', 'шизанутый', 'шибанутый'. Пр.: Однако сведений о его **фигался** со скоростью 10 км/ч. Физической реализации и испытаниях пока нет; Тебе видимо не **фигалось** тогда. Семантика глагола «фигаться»: 'показывать кому кукиш, фигу', 'перебраниваться'; в результате десемантизации, как показывают примеры, могут получаться и контекстуальные значения.

Пр.: Я **фигела** что с ней стало. // Я начинаю **фигеть** от его напористости и наглости // Ох..**фигеть** как классно!!! // Серил **зафигеть!** Надеюсь они его не прикроют и все таки снимут 3 сезон. // **Офигеть** – на работе с сегодняшнего дня ввели каждое утро с 9-00 планерки руководства. // **Офигеть**, скоммуниздили бампер! // «Виктор Гончаренко сказал, что вы зазнавшийся и **офигевший** человек!» – так мне сообщили. По Большому словарю молодежного сленга [Левикова 2003: 481], глагол «фигеть» имеет следующие значения: 1) 'получать радость, удовольствие'; 2) 'сильно любить'; 3) 'поражаться', 'удивляться', 'быть шокированным'; 4) 'утомляться', 'изнемогать', 'сильно уставать'; 5) 'приходить в замешательство'; 6) 'испытывать отвращение от чего-либо неприятного'. Глагол «зафигеть» [Там же: 169] имеет значение 'находиться под воздействием сильных впечатлений'; глагол «офигеть» [Там же: 324], в свою очередь, значения: 1) 'обнаглеть'; 2) 'настолько устать, что перестать соображать'; 3) 'прийти в восторг'; 4) 'утратить способность разбираться в происходящем'; 5) 'онеметь'. «Офигевший» – это 'удивившийся', 'обалдевший', 'обезумевшийся', 'поразившийся', 'сдурившийся', 'потерявший голову' и др.

³ Безразлично, все едино, все одно, все равно, до барабана, до лампы, до лампочки, до фени, до фонаря, какая разница, мне фиолетово, мое дело сторона, монопенисно, наплевать, не волнует, не все ли равно, неважно, нет никакой разницы, один хрен, один черт, одинаково, плевать, по барабану, по фене, по фигищу, по фигу, по херу, похрену, хоть бы что, хрен редьки не слаще, что совой о пень, что пнем об сосну. [http://de.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims]

Пр.: *бывают всю жизнь в фитнесе **фигачить**, ботоксы-хренотоксы и пластика // Я наконец-то понял, какую кружку я хочу себе - **зафигачил** принт с советскими марками! На днях **зафигачу** и кружку. б. // Дорогуша, я просто если в ветке то разойдусь писать, то на пол страницы **нафигачу!** // **Отфигачил** 3 часа на снегоходе, аж взмок)) Ща ещё на 4 упрусь; Не проще было сразу руку **отфигачить?**; благодаря ей у меня сразу появилось представление как **сфигачить** суперклассный ремейк фильма Куарона // Вообще хотела в горький шоколад **зафигачиться**... Но подумала, что мне через неделю лететь, и мама явно будет в шоке. // ... носился по свету и сам до того по душе интересовался разными странами, что от передачи было несбыточно **отфигачиться**. // у них начали кончатся деньги и они попросту сели нам на шею, я начал зависать над тем, что мы тоже можем **сфигачиться** ...*

По данным Большого словаря молодежного сленга, глагол «фигарить», «фигачить» несет значение 1) 'курить'; 2) 'двигаться, идти, бежать'; 3) 'сделать что-либо очень быстро'; «зафигарить»: 'сделать что-либо быстро и качественно'; «зафигачить»: 1) 'засунуть'; 2) 'ударить'; 3) 'закинуть'; 4) 'быстро и качественно сделать что-либо'; 'выпустить очень много продукции'; 6) 'послать по почте'; «зафигачиться»: 1) 'исчезнуть, рассеяться'; 2) 'сгинуть, пропасть'; «нафигачить»: 1) 'сделать что-либо'; 2) 'наготовить чего-либо быстро и много'; «отфигачить»: 1) 'вступить в сексуальный контакт с кем-либо'; 2) 'отчитать, отругать кого-либо'; 3) 'покарать, наказать'; 4) 'избить'; 5) 'оторвать, откусить, отломать'; «отфигачиться»: 'отклеиться, оторваться, отвалиться'; «сфигачить»: 'сделать что-нибудь'.

Последними дериватами, которые породила «фига», – это *пофигист* [7/847 тыс.], *пофигистка* [0/183 тыс.], *пофигизм* [21/935 тыс.], *пофигистский* [2/31 тыс.], *пофигистски* [1/4149], *пофигистический* [1/65 тыс.], *апофе/игей* [2/14 тыс.]. Ввиду семантической близости этих слов, которых объединяет философия пофигизма⁴, они рассматриваются, несмотря на их частеречную характеристику.

Пр.: *но лентяй преспокойно сидел в теплой воде, то ли он такой **пофигист**, то ли любит купаться. // Оказывается, **пофигист** – это тот, кто относится к демократии серьезно, тот, кто отказывается жить двойной жизнью, тот, кто объявляет нашу открытую жизнь фарсом. // «Я сказал – все прогнулись» – надо бить с **пофигистской** небрежностью к*

⁴ Что же такое «пофигизм» как специальный термин? Надо сказать, что понятие это появилось недавно – в конце прошлого века – и согласно толковому словарю проф. Алаухвыкавана из университета Антананариу, означает «Безответственное отношение к чему-либо, отсутствие мотивации, недоверие или полное безразличие к любым общественным ценностям или же недоверие к любой власти. Как правило, П. является глобальной характеристикой типа и распространяется на большую часть областей жизни и деятельности индивида». В целом ряде работ ведущих философов современности, П. определен как массовое явление, типичное для середины и конца 20 века. В настоящее время П. распространяется со скоростью бледной трепемы в известных кварталах Марселя и рассматривается отдельными философами (см. субъективный и объективный п.) как особый протест личности против государственного давления. [<http://astrologic.ru/wtboard/8100.shtml>]

регалиям, внезапно и влет. // Пожалуй, наверное, боюсь, что будет больно, что врачи будут относиться **пофигистски**. // **апоФИГей** армянского высококультурия и цивилиности.

Семантика приведенных выше слов предопределена значением сочетания «по фигу», от которого они образованы; основной семой является сема 'равнодушия, безразличности'. Итак, «пофигист» – это в принципе равнодушный, спокойный человек, «пофигизм» – особая философия, отношение к окружающему миру, «апофигей» – состояние равнодушия к окружающему; высокомерное отношение к бытовым и социальным проблемам.

4. Заключение. Итак, наша статья и наша тема достигла известного апогея, надеемся, что не апофигея, т.е. не вызовет у читателя лишь ощущение равнодушия. Мы постарались представить полноту словообразовательной парадигмы интересующего нас слова «фига», проанализировать больше 60 дериватов. Материал оказался довольно интересным прежде всего с точки зрения семантики отдельных единиц. Одни единицы характеризуются расплывчатостью, размытостью значения (*фигня, фигация, фигуля*), другие, в свою очередь, имеют довольно прозрачную семантику (*офигевший, пофигизм, пофигист*). Большинство слов имеет большой эмоционально-экспрессивный заряд, причем могут выражать как положительную (*офигительно, офигенно, офигенский*), так и отрицательную оценку (*фигня, фигация, фиговый, фигово, фиговенький*). Следовательно, они принадлежат к стилистически маркированным словам с пометами разговорный, просторечный, жаргонный.

Использованная литература/источники:

www.ruscopora.ru

ЛЕВИКОВА, С. И. (2003): *Большой словарь молодежного сленга*. М.: ФАИР-ПРЕСС.

STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého.

История происхождения фи́га. URL: <http://fignius.narod.ru/fig.html>

Книга символов. Фига. URL: <http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=493#1>

ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. (1994): Кукиш. In: Н. И. Толстой: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М., с. 26–27. URL: <http://ec-dejavu.ru/k/Kukish.html>

ЛОПАТИН, В. В. (отв. ред.) (2004): *Русский орфографический словарь*. 2-е изд. испр. и доп. М. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/lopatin/>

МОКИЕНКО, В. М. (2004): *Русская бранная лексика. Цензурное и цензурное*. In: Русистика. № 1/2. Берлин. С. 50–73.

ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. URL: <http://ozhegov.info>

Словарь русского арго. URL: http://www.gramota.ru/slovari/argo53_7915

СРЯ. БАБАЙЦЕВА, В. В., НИКОЛИНА, Н. А., ЧЕСНОКОВА, Л. Д. и др. (2006): *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис*. М.: Издательский центр «Академия».

ФАСМЕР, М. (2004): *Этимологический словарь русского языка*. М.: ООО «Астрель».

Фиг. URL: <http://www.aggregateria.com/F/fig.html>

Фига. URL: <http://www.slovopedia.com/22/212/1644257.html>

ЗДЕНКА ВЫХОДИЛОВА

Чехия, Оломоуц

НЕЭКСПЛИЦИТНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И В РЕЧИ

ABSTRACT:

Non-explicitness of Expressing Meanings in Language and in Speech

The paper delivers a wide-ranging analysis of non-explicit expressing, as a tool of implementation of the austerity principle in language and in speech. It is focused especially on the so-called syntactic ellipsis, and its differentiation from similar phenomena, both on the level of theoretical description, and on the level of application of the theoretical knowledge on a concrete linguistic material taken from current Russian, Czech and, partly, also Slovak. Ellipsis is understood as a phenomenon exclusively belonging to the parole field, it is rigorously distinguished from the so-called zero form of a syntactic sign, which is undisputedly embodied in language system. The author furthermore suggests the trends to follow in studying the problems of non-explicitness and implicitness as a phenomenon of pragmatic linguistics.

KEY WORDS:

Non-explicitness – implicitness – syntactic ellipsis – zero linguistic sign – pragmatic linguistics.

Изложение темы **неэксплицитность** в языке и в речи начнем с напоминания об общепринимаемой аксиоме о коммуникативной функции как основной функции языка. Желаемого коммуникативного эффекта достигается, главным образом, посредством материально выраженных средств языка – значит, эксплицитным способом выражения. А языковая материя (воплощенная в широко понимаемых способах реализации языкового знака) является, как правило, главным объектом лингвистического исследования, между тем как материально невыраженные значения пока стоят на периферии внимания лингвистов.

Явления неэксплицитности тесно связаны с применением одной из языковых универсалий, а именно с принципом **экономии в языке и речи** – одним из господствующих принципов речевого поведения. Принцип экономии речевого выражения можно считать универсальным принципом, характеризующим все европейские языки; различия между отдельными языками мы находим в степени его использования, в способах и конкретных формах его проявления. Он затрагивает все языковые планы: фонетико-фонологический

(явления редукции, элизии, аккомодации и ассимиляции, дизерезы и т.п.), лексико-морфологический (явления аббревиации, универбизации, конверсии, полисемии и т.д.), уровень синтаксический, гиперсинтаксический и текстуральный. Предметом нашего выступления будет исследование явлений неэксплицитности и имплицитности именно на последних, то есть высших уровнях языка.

Позвольте еще небольшое терминологическое уточнение: термин неэксплицитность/неэксплицитный мы используем для обобщающего обозначения широкой области, включающей все явления нематериальной реализации или нереализации значений в языке и в речи. Данный термин мы не считаем полным синонимом термина имплицитность/имплицитный. Мы понимаем его как, в определенном смысле, вышестоящим над термином имплицитность: имплицитность всегда неэксплицитна, но данное отношение не имеет обратной силы. Между тем как под имплицитностью понимается ясное подразумевание, неэксплицитность может быть при определенных условиях даже препятствием понятности и ясности сообщения. Более того, термин имплицитность нам кажется более нагруженным вторичными значениями – с одной стороны, логическими и логико-математическими значениями, с другой стороны, мы чувствуем в нем и наличие эмоциональных коннотаций.

Чем выше уровень языка, тем интенсивнее лингвистика в решении проблематики неэксплицитности «делится компетенциями» с другими дисциплинами – с теорией коммуникации, прагматикой, психологией, философией и тому подобное, и становится предметом смежных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и так далее. **На уровне текста** данные явления приобретают уже характер универсалий, следствием чего является, естественно, тот факт, что в сопоставляемых языках мы находим более сходств, чем различий.

Кажется, что на более низких языковых уровнях (на уровне фонетическом, фонологическом, лексическом и морфологическом) в принципе нет особых затруднений в описании формальной нереализации – эти явления мы оставим вне нашего внимания. В нашем выступлении мы сосредоточимся на исследуемых явлениях **на синтаксическом уровне** и затронем некоторые аспекты данной проблематики **на уровне текста**. При чем рассуждения о синтаксической неэксплицитности будут проводиться в русско-чешском сопоставительном плане.

Наше понимание проблемы базируется на структуралистическом, сосюровском понимании языкового знака как континуума формы и содержания, на дихотомии *langue/parole*, на оппозиции глубинная/поверхностная структура.

Взаимоотношение элементов глубинной и поверхностной структур понимается нами в соответствии с сегодня уже традиционной трактовкой как асимметрическое (в интенциях учения Сергея Карцевского об асимметрическом дуализме), причем обычно под асимметричностью понимают отношение, которое символически можно обозначить как X:1 (x форм обладает одним более-менее общим значением) – это суть синонимии, или наоборот – 1:X (одна форма об-

ладает x значениями) – суть омонимии и полисемии. Нас интересуют экстремальные случаи, которые можно символически выразить как $0:X$ (эллипсис) или $0:1$ (так наз. синтаксический нуль), что значит, что не все содержательные элементы высказывания всегда имеют свою репрезентацию в поверхностной структуре.

Асимметричность языкового знака

Поверхностная структура

1	0	1	X	1	0
1	1	0	1	X	1/X

Глубинная структура

Интерпретация

синтаксический			синонимия	эллипсис
полное	нуль	пустой	полисемия	
выражение		знак	омонимия	

Одним из решающих критериев для типологической классификации способов неэксплицитного выражения значений в языке и в речи являются, по нашему мнению, **причины неэксплицитности**, которые могут заключаться:

- а) в языковой системе;
- б) в речевой реализации;
- в) во внеязыковых факторах.

Последние причины (б, в) тесно связаны с явлением **экономии в речи**.

С вышеприведенной «диахронической» точки зрения необходимо анализировать явления, которые в поверхностной структуре выглядят одинаково, но их лингвистическая сущность неодинакова, они отличаются друг от друга причинами своего происхождения, и, следовательно, своим функционированием в языке и в речи. Итак, сначала попытаемся ответить на вопрос о сущности самого фреквентированного средства речевой экономии в синтаксическом плане языка, а именно **синтаксического эллипсиса**, и отличить его от смежных явлений, в частности, от так наз. **синтаксического нуля**. Несмотря на то, что с функционально-коммуникативной точки зрения синтаксический эллипсис следует считать явлением, входящим в область лингвистики текста (он в значительной мере содействует связности, когерентности текста), в своей сущности эллипсис остается средством синтаксическим.

Описывая явление эллипсиса, мы намеренно исходим из позиций пражского структурализма (хотя это в настоящее время не очень популярно, структурализм некоторыми лингвистами считается пройденным этапом). Но мы полагаем, что учение структурализма не противоречит современной лингвистике

текста, а, наоборот, они находятся в комплементарных отношениях и дополняют и обогащают друг друга.

Наше понимание различий между эллипсисом и нулевой формой языкового знака в теоретическом плане показывает схема, использующая теорию трех уровней языка известных пражских лингвистов Милоша Докулила и Франтишека Данеша:

	нулевой член	пропущенный член	эксплицитно выраженный член	пустой знак
уровень языковой формы = форма значения	-	-	+	+
уровень языковых значений = форма содержания	+	-	+	+
уровень мыслительных содержаний = субстанция содержаний	+	+	+	-

Если мы рассматриваем предложение как сложный языковой знак, то мы должны понимать эллипсис как отсутствие знака в целом, как пропуск целостного комплекса (отсутствуют и *designator*, и однозначное *designatum* – тип *Ты с кем там ¥ (говоришь)? Не трогай ¥! – Соедините ¥. Я из больницы ¥...*). Как на уровне грамматической схемы, так и на уровне семантической схемы предложения после него остается пустое место, которое, однако, соотносится с определенным элементом содержания в глубинной мысленно-содержательной структуре. И, напротив, нулевой член характеризуется отсутствием *designator*, но присутствием конкретного, однозначного *designatum*. Он имеет свою материальную реализацию не только на уровне грамматической схемы предложения, значение присутствует также на уровне семантической схемы предложения, о чем свидетельствует и его относительно однозначная определенность. – тип *На улице о тишина*. (нулевое глагольное сказуемое с бытийным значением) или *Петя о весел*. (нулевая связка).

Итак, ни опущенный (элидированный), ни нулевой член не присутствуют на уровне языковой формы, на уровне языкового значения присутствует только нулевой член, на уровне содержания присутствуют оба члена (эллипсис и нулевой член). Другими словами – противопоставление эллипсис : синтаксический нуль нами понимается как оппозиция не-знак : знак с материально не выраженной формальной стороной (с нулевым десигнатором).

Из сказанного вытекает наша дефиниция синтаксического эллипсиса и синтаксического нуля:

Эллипсис – это контекстуально или ситуативно обусловленная нереализация конститутивного члена схемы предложения.

Нулевая форма синтаксического знака – это системно обусловленная нулевая реализация одного или нескольких членов морфолого-

синтаксической парадигмы с однозначной семантической дефинируемостью.

Эллипсисом в собственном смысле слова нами считаются лишь случаи пропуска конститутивных членов предложения, когда вследствие незаполнения позиций схемы предложения происходит нарушение его реализации (которое при определенных условиях часто считается нормативным).

Антиномия – эксплицитно выраженное значение против неэксплицитно выраженного значения представляет собой широкую проблематику, включающую в себя как область синтаксической, так и область лексической и морфологической семантики. Попытки установить на конкретном русском и чешском языковом материале теоретические критерии, при помощи которых можно было бы «идентифицировать» эллипсис в тексте и отграничить его от близких явлений неэксплицитности, привели нас к познанию того, что все эти явления производят впечатление гомогенности лишь в том случае, если они рассматриваются «in abstracto», изолированно от их функционирования в конкретном процессе коммуникации. В момент их зачленения в условия реализации в тексте явления, которые в абстрактном плане кажутся едиными, получают разный характер, отдельные реализации приобретают новые, специфические черты, которые «сведение к общему знаменателю» весьма затрудняют.

В сопоставительном русско-чешском плане самым интересным кажется **эллипсис правовалентных партиципантов** – это значит – так наз. **облигаторного компонента** (то есть дополнения и обстоятельства), и **эллипсис глагольного предиката**.

Надо еще раз обратить внимание на то, что для правильной оценки рассматриваемых фактов необходимо целесообразно различать кодифицированный русский язык и русскую разговорную речь (далее РРР), для которой действуют специфические закономерности развития. Явление синтаксического эллипсиса характерно именно для РРР.

В дальнейшем вышеприведенную классификацию иллюстрируем на материале, почерпнутом из современной художественной литературы или услышанном в русскоязычной среде.

А. Незаполнена позиция облигаторного компонента (эллипсис облигаторного члена).

В РРР принято не заполнять как позиции с предполагаемым местоимением, так позиции, предполагаемое заполнение которых проводилось бы в форме лексически полноценной части речи:

- Ну, казните *Ў*, если *Ў* виноват. – Так **mě** potrestejte, jestli jsem vinen.
- Сашка заболел, надо помочь *Ў*: хороший человек. – Saška onemocněl. Mušíme **mu** pomoci, je to dobrák.
- Она мне напоминает дрессированного фокстерьера. – Поясни *Ў* *Ў*. – ...Vysvětli **mi** to.
- Ну, как, профессор, есть результаты? (*Ў* у вас) – Tak co, pane profesore, **máte výsledky?**

– А можно сделать обследования амбулаторно? Чтобы не класть Ё в больницу?

– A bylo by možné udělat vyšetření ambulatorně, abychom **syna** nemuseli dávat do nemocnice?

– Не трогай Ё! – строго сказал ему врач. – Микробы Ё внесешь. – **Nesahej na to! Zanesíš tam bacily!**

С повседневной жизнью в России связано употребление так наз. ситуативно-го эллипсиса, связанного с уличным движением:

– Водитель, вы нарушили! (Ё правила дорожного движения) – **Pane řidiči, porušil jste pravidla silničního provozu.**

– Передайте Ё, пожалуйста!- (чешские семантические эквиваленты: **Pošlete to dál! Označíte/Cvaknete mi prosím lístek/jízdenku?**)

Чешские переводные эквиваленты вышеприведенных высказываний показывают, что чешская речевая система невыражение облигаторного дополнения в условиях монологического текста допускает, как правило, лишь если речь идет о неповторении комплемента, эксплицитно выраженного в непосредственно предыдущем контексте, в противном случае облигаторный правовалентный член в формальной структуре высказывания должен присутствовать минимум в ослабленной местоименной форме.

Эллипсис правовалентного партиципанта в условиях **диалогической речи** (при выражении левовалентного члена), в русском и в чешском языках грамматически правилен и нормативен. Он регулярно встречается в ответах на развернутые вопросы:

– Вы знаете его? – Не знаю. – **Znáte ho? – Neznám.**

Эллипсис встречается также в ответах на определенный тип замкнутых вопросов (содержащих альтернативы), причем эксплицитно выраженной остается рема, то есть правильная альтернатива), срав.:

– Дедушка крошит хлеб, или режет? – **Режет.**

– **Dědeček chleba řeže nebo krájí? – Krájí.**

Б. Эллипсис глагольного предиката:

В PPP чаще всего опускаются глаголы, определенным способом связанные с деятельностью или характеристикой человека. Чаще всего это глаголы движения, говорения, интенсивной человеческой деятельности, эмоционального воздействия, глаголы со значением «давать/брать», срав. несколько примеров:

– Ты куда Ё? – спросила жена. – **Kam jdeš, zaptala se žena.**

– Ты ему в брюхо Ё, в брюхо Ё сапогом! Пусть Ё корячится!

– Эй вы, а ну прочь отсюда, не приставайте! – А то я вам сейчас Ё!

Ты куда Ё? – спросила жена. – „**Kam jdeš?**“ zaptala se žena.

– У вас сколько платят? – Вы несколько рановато Ё об этом.

– **Kolik se u vás platí? – Ptáte se na to trochu brzy.**

– Давай лопатами Ё, не имеем права стоять.

– **Pojď, budeme házet lopatama, nemáme právo stát.**

– Эй вы, а ну прочь отсюда, не приставайте! – А то я вам сейчас Ё!

– „*Hej vy, koukejte odtud mazat, nechte ho na pokoji!*“ – „*Nebo vám ukážu!*“

Высказывание с неэксплицитно выраженным предикатом в недиалогическом контексте всегда должно содержать эксплицитно выраженный компонент, сигнализирующий валентные отношения невыраженного глагола. Таки-ми сигнализаторами могут служить даже неслоговые предлоги – срав. пример:

(В университете о звонке): *Это на или с?* (звонок на лекцию или с лекции?)

О высокой мере эллиптичности, характерной для PPP, свидетельствует отрывок разговора, услышанного в московском метро; в нем содержится минимум 11 опущенных лексических элементов:

– *Наташ, ты что? Детектив? Ух ты! Интересно! Откуда? Дашь почитать? Я быстро.*

– Вариант с полной лексико-синтаксической структурой: «*Наташа, ты что читаешь? Это детектив? Ух ты! Это интересно. Откуда он у тебя? Ты дашь мне его почитать? Я быстро его верну.*»

Интересные открытия относительно реализации принципа речевой экономии в исследуемых областях принесла бы, непременно, межъязыковая конфронтация нескольких языков, включая неродственные. Но эта тема выходит уже за рамки настоящей статьи.

Как уже было сказано, исследование проблематики неэксплицитности выражения значений может выходить за границы синтаксиса – может быть предметом исследования самого текста – в этой области она затрагивает еще более широкий диапазон внелингвистических аспектов и переходит уже в компетенцию исследования промежуточных дисциплин, как, например, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и т.п.

В литературе встречаемся с понятиями/терминами смысловой эллипсис (Д. Б. Гудков), прагматический э. (Н. Д. Аругонова), логический э. (В. Шмиллауер) и т.д. Многие из этих явлений также могут быть проявлениями речевой экономии, но совсем другого характера, чем предыдущие.

В заключении нашей статьи коснемся обсуждения данных явлений с точки зрения имплицитности выражения:

Простейшими примерами так наз. смыслового эллипсиса могут служить следующие микродиалоги, в которых опущены некоторые звенья цепочки, образующей смысл высказывания:

– *Но свидетелей, которые бы подтвердили ваши слова, у вас нет?*

– *Было уже поздно.*

Муж: Пойдем купим LCD телевизор.

Жена: А за ипотеку как заплатим?

Lékař: Poprosím o 30 korun.

Pacient: Jenom z lidí taháte peníze.

Lékař: To si stěžujte u Julínka!

Перевод:

Врач: С вас 30 крон.

Пациент: Вымогатели! Вам бы только деньги из людей тянуть.

Врач: Это вы к Юлинеку обращаетесь!

(Дело в том, что три года назад была при тогдашнем министре здравоохранения Юулинеке в Чехии введена одноразовая плата за посещение врача (по чешски – regulační poplatek). Многие люди были недовольны этим нововведением.)

Здесь имеем дело с **имплицитностью** выражения. Смысл последней реплики в последнем микродиалоге может быть восстановлен приблизительно следующим образом:

Я действую на основании министра Юлинека, со своими претензиями вам следует обращаться к нему, а не ко мне, я только выполняю распоряжение сверху.

Из многочисленной и многотипной гаммы потенциальных проблем, связанных с рассматриваемой областью и обсуждаемых в зависимости от точки зрения и теоретических позиций исследователя, коснемся лишь двух, а именно **коммуникативной (информативной) недостаточности** высказывания, и **импликатур как средств связности дискурса**, которые тесно связаны друг с другом:

За полюсом крайней неэксплицитности на оси эксплицитность – неэксплицитность находятся коммуникаты, дефектные из-за своей формальной неполноты, неспособные в достаточной степени выполнять свою коммуникативную функцию. Естественным противовесом экономии выражения является **избыточность, редундантность выражения**; редундантные коммуникаты находятся за полюсом крайней эксплицитности.

Вопрос о коммуникативной достаточности/недостаточности можно продемонстрировать на примере так наз. **прагматического эллипсиса** в терминологии Н. Д. Арутюновой:

– *Здесь есть в близости почта?*

Ответ *Есть* не обладает достаточной информативностью, это коммуникативно недостаточный ответ, так как спрашивающий хочет узнать, **где** находится почта. Данный ответ образует определенное промежуточное звено, определенный «пролог» к следующей реакции – к объяснению, где находится почта.

Нет – отрицательный ответ при определенных условиях может быть коммуникативно достаточным.

Почта уже закрыта. – Этот ответ может быть достаточно информационно насыщенной репликой для спрашивающего, но это может быть и коммуникативно недостаточный ответ в случае, если почта служит для спрашивающего лишь ориентиром (например, рядом с почтой должна жить семья, которую спрашивающий хочет посетить).

Исходим из предположения, что структура естественного диалога должна основываться на чередовании соотносительных реплик, напр., за вопросом должен следовать ответ. Если пользоваться терминологией прагмалингвистики, можно говорить о согласовании реплик по иллокутивной функции. («Иллокутивная функция – это выражение того или иного коммуникативного намерения говорящего – такого, как просьба, приказ, совет, уведомление,

утверждение, выражение благодарности, вопрос и т.п.» (Падучева)). На разных типах иллокутивных функций построена большая часть диалогов. Нарушение согласования иллокутивных функций вследствие неэксплицитности выражения может вести к снижению коммуникативного эффекта или даже к полной коммуникативной недостаточности. Как вытекает из нашего материала, прагматическая связь согласованных друг с другом реплик может быть или **ненамеренной** или **намеренной**.

Примером первой может послужить известный, часто цитируемый «квази-диалог» двух кумушек, из которых одна — глухая:

«Здорово, кума. — На рынке была; — Аль ты глуха? — Купила петуха; — Прощай, кума. — Полтину дала».

Глухая, в сущности, придерживалась шаблон разговора при встрече, она сделала лишь одну, первоначальную ошибку: она забыла, что при встрече здороваются; остальные же ее ответы были рассчитаны на шаблонную последовательность вопросов: где была, что купила, сколько дала, и в этом отношении догадка ее очень жизненна.

В качестве примера **намеренного нарушения связи реплик** приводим квази-диалог из всем чехам известной сказки Божены Немцовой «О пряничной избушке», в котором женщина намеренно не развивает разговор, чтобы обмануть преследователя детей (диалог приводим в сокращенном виде):

- „Osobo,“ *ptal se plečky, „neviděla jste tudy jít dvě děti?“*
- „Pleju len,“ *odpověděla žena, jako by mu nerozuměla. „Osobo, já se vás ptám, jestli jste tudy viděla jít děti.“*
- „Až vypleju a uzraje, budem trhat.“
- „Osobo, rozumějte pak, ptám se vás, jestli jste viděla tudy jít děti.“
- „Až nasoukáme, budem tkát pěkné tenké plátno.“
- „Osobo, co je mi do plátna, ptám se vás, viděla-li jste tudy jít děti.“
- „Až utkáme, budem bílit, až vybílíme, budem stříhat a šít košile, košilky, šátky a stužky, sukně a zástěrky.“
- „Osobo, cožpak si na uších sedíte, ptám se vás, viděla-li jste tudy jít děti.“
- „A tak, co s tím budem dělat? — Nu, budem se do toho odívat a nosit se čistě bíle.“
- „Osobo, já se vás na to neptal, ptám se vás, neviděla-li jste tudy jít děti.“
- „Děti, nu, to jste měl hned říct, bodejť neviděla, ba viděla, šly tamtudy tou cestičkou po polích, a přímo k tomu potoku, co ty vrby jsou. Ale už je nedohoníte, skákaly jako poštolky,“ *při těch slovech ukázala žena dědkovi na opačnou stranu, než byla dříve děti poslala.*

Заклучение:

Выявление лингвистического статуса конкретных нереализаций в поверхностной структуре может отчасти помочь объяснить причины и характер некоторых различий в конкретных способах проявления принципа речевой экономии в отдельных языках.

Если, например, сравнивать русскую разговорную речь с обиходной чешской речью, то можно констатировать, что в основе исследуемого явления, то есть относительно высокой неэксплицитности формального выражения значений в РРР, следует искать системную черту, характерную для русского языка, а именно нулевую реализацию форм глагола *быть* в настоящем времени, компенсированную в двучленных структурах более высокой компетентностью личных местоимений. Таким образом, возникает импульс для образования аналогичных (но некатегориальных, несистемных) конструкций с глаголами, выражающими и другие важные значения, напр., известный эллипсис предикатных глаголов определенных семантических групп.

Проблематика неэксплицитного выражения значений в языке содержит, по нашему мнению, огромный, до сих пор не открытый исследовательский потенциал, который, главным образом, в области прагмалингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики обещает интересные открытия¹.

¹ Статья является кратким содержанием монографии автора, которая под названием «Výrazová úspornost v syntaxi současné ruštiny» на днях выйдет в издательстве Университета им. Палацкого в Оломоуце.

КОНСТАНТИН ЛЕВИТАН

Россия, Екатеринбург

ПЕРЕВОД КАК ПРОЦЕСС КОНВЕРГЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОСФЕР

ABSTRACT:

Translation as a Process of Convergence of National and Cultural Concept Spheres

The paper presents a new approach to the process of translation as a convergence of national and cultural concept spheres. The main purpose of the translator is to bring together two conceptual pictures of the world, to build a peculiar “sense bridge” between the source text and the translated text.

KEY WORDS:

Translation process – convergence – national and cultural concepts – denotative and transformation methods – “sense bridge”.

Для современного переводоведения характерна тенденция сближения двух подходов – лингвистического и культурологического, – которые ранее существовали изолированно друг от друга, что, бесспорно, связано с новой научной парадигмой рассмотрения отношений языка и культуры.

Изменение статуса перевода как объекта исследований на рубеже XX и XXI веков нашло свое выражение в том, что наука о переводе из чисто лингвистической превратилась в междисциплинарную. Перевод стал той точкой пересечения, в которой сходятся многие проблемы языка и культуры, языка и мышления, национального и индивидуального в концептуальной и языковой картинах мира, проблемы жанра и стиля, текстопорождения и текстовосприятия, первичности и вторичности текстовой деятельности. Феномен перевода, как и текст, получает весьма расширенное толкование с позиций герменевтики, постструктурализма, постмодернизма: он начинает осознаваться не только как средство межъязыкового и межкультурного общения, но и как универсальный механизм нашей речемыслительной деятельности, который органически вписывается в непрерывный семиозис, непрерывный процесс означивания.

На ранних этапах становления науки о переводе в центре внимания исследователей находились и казались уже в какой-то степени решенными такие

фундаментальные проблемы как сущность процесса перевода, переводимость, адекватность и эквивалентность перевода, единицы перевода, переводческие трансформации, стратегия и прагматика перевода. Однако в современном переводоведении, основной характеристикой которого можно назвать полипарадигмальность, указанные проблемы находят иную интерпретацию.

С антропоцентрической позиции научного знания перевод – это различно-го рода оперирование языковыми и культурными знаками, их эквивалентность и их различие, дискурсивная практика, языковая игра, конструкция и деконструкция. Перевод – это диалог и конфликт сознаний, в котором участвуют автор, переводчик и реципиент, это взаимодействие и взаиморазвитие культур, это, в конечном счете, путь к мировой культуре. Такая феноменологическая глобальность перевода порождает многообразие научных парадигм и подходов к пониманию и интерпретации понятия «перевод», достаточно подробный анализ которых содержится в ряде фундаментальных исследований последнего десятилетия (напр., Вербицкая, 2000; Деррида, 2000; Нестерова, 2005; Шевнин, 2010).

Безусловно, тот или иной подход к пониманию процесса перевода во многом определяет и методологию обучения переводу. По нашему мнению, можно выделить следующие обобщающие позиции, присущие современному пониманию перевода. Во-первых, перевод – это межъязыковой и межкультурный динамический процесс, система постижения и передачи смыслов текста одной культуры в текст другой культуры; во-вторых, это интерпретативный процесс, сопровождающийся потерями и приобретениями; в-третьих, это всегда возможность генерирования новых смыслов, в результате чего происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур. С этих позиций главная цель переводчика состоит в том, чтобы как можно глубже понять и усвоить содержательно-смысловую структуру исходного текста (ИТ) и создать в переводном тексте (ПТ) систему смыслов, которая в наибольшей степени коррелировала бы с заложенной автором в ИТ.

Издавна существуют два основных метода перевода, которые еще Цицерон и Иероним определили как **verbum pro verbo** (*слово словом*) и **sensus pro senso** (*смысл смыслом*). Идеальный вариант – когда и слово, и смысл были бы тождественны или почти тождественны, возможен только в случае абсолютной структурной и семантической тождественности языков и культур. В таком случае перевод представлял бы механическую операцию по замене знаков. Ясно, что такой «идеальный» перевод в реальной практике невозможен. Как утверждал В. Гумбольдт, «каждый язык выражает понятие (пусть даже и немного) иначе, чем другой. Два языка – два мировидения. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [Гумбольдт 1984: 349]. Каждый субъект переводческой коммуникации является носителем национального сознания и национальной культуры, то есть наряду с универсальным смыслом существует его индивидуальное переосмысление посредством национального сознания и национальной культуры.

Процесс порождения ПТ – это последовательность мыслительных операций, обеспечивающих переход от ИТ к ПТ. Определяющим моментом в данном переходе является наличие промежуточного звена, отражающего результат понимания ИТ. При порождении одних типов текстов таким промежуточным звеном выступает денотатная структура ИТ (напр., нотариально удостоверяемые переводы текстов юридических документов типа свидетельства о рождении, браке, разводе, смерти и т.п.), при порождении других (в частности, художественных текстов) – иной смысловой (концептуальный) комплекс. Доминирующим промежуточным звеном, соответствующим замыслу ПТ, может быть как предметная, так и смысловая структура. Поскольку денотативный уровень текста оригинала отражает объективно существующую предметную реальность, то при порождении ПТ всегда есть объективная возможность создать текст, эквивалентный ИТ на предметном уровне.

Смысловая структура в отличие от предметной характеризуется достаточно большой степенью субъективности, при этом абсолютно объективного критерия для ее сопоставления с ИТ нет и не может быть. Смысл появляется только в момент интерпретации первичного текста. Сам по себе смысл как нечто объективное, независимое от интерпретатора, не существует. Смысл понимается как универсальная категория, где слиты воедино тексты, культуры и их осознание. Смысл имени (концепт его денотата) – это содержание того же понятия, то есть то, понимание чего выступает условием адекватного восприятия и усвоения данного имени. Содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст. Обе эти проекции взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Поскольку смысл является функцией сознания, а не текста, то понимание смысла по сути есть «приписывание» смысла, его проецирование на текст, что делает процесс смыслового восприятия и интерпретации субъективным и не имеющим однозначного решения.

Инвариантом в переводе является не значение, а корреляция значений и интенциональный смысл. Исходный текст и текст перевода должны соотноситься друг с другом по законам гармонии, что предполагает их эквивалентность как на уровне целого текста, так и на уровне его отдельных элементов (единиц перевода), а также согласование внешней и внутренней форм – симметрию формы и содержания. Переводчику здесь следует руководствоваться герменевтическим правилом, выработанным античной риторикой: «Процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. Задача состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширить единство понятого смысла» [Гадамер 1988: 345). Смысл, носителями которого могут выступать концепт, денотат, доминанта, ключевое слово, образ, эмоция, отдельный элемент коммуникативной ситуации и т.п., переводчик не конструирует, а открывает, уясняет, вкладывает в ИТ.

В лексических единицах ИТ и ПТ общим признаком, как правило, становятся их денотативные значения, а большинство сопутствующих (коннотативных) значений остается вне зоны пересечения. Нетранслируемость коннотативного и ассоциативного семантического шлейфа того или иного слова ведет к утра-

те множества смыслов оригинала, что в свою очередь требует различных интерпретаций. В качестве одного и многочисленных практических подтверждений данного вывода сошлемся на результаты выполненного Н. М. Нестеровой анализа перевода известного рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи» на английский язык в ее упомянутом выше исследовании. Ср.: *ненастье* – **rainy day**, *изба* – **timber building**, *горница* – **inn**, *тульские дороги* – **the Tula highways**, *тарантас* – **coach**, *козлы* – **box**, *сенцы* – **entry**, *образ* – **icon**, *вольная* – **freedom**, старинный *разбойник* – **an outlaw of old**. Эти примеры являются наиболее показательными с точки зрения их если не референциального, то коннотативного расхождения. Они иллюстрируют общее расхождение между русскоязычным исходным текстом и текстом перевода, что позволяет констатировать почти полное отсутствие бунинской России в данном англоязычном тексте.

Резюмируя все сказанное выше, мы можем определить сущность перевода как **процесс конвергенции национально-культурных концептосфер, базирующийся на соединении денотативного и трансформационного методов перевода, с целью построения «смыслового моста» между ИТ и ПТ, что обеспечивает их эквивалентность и гармонию на всех уровнях: смысла, содержания, структуры, стиля**. Данный подход оказался достаточно продуктивным в процессе обучения переводу студентов и аспирантов специальности «Юриспруденция» и был успешно реализован с учетом специфики юридического дискурса в одном из наших недавно опубликованных учебных пособий [Левитан 2011].

Профессиональная коммуникация в сфере права осуществляется на основе определенного профессионального языка, закрепленного за данной сферой профессионального общения. Этот язык представляет собой совокупность юридической терминологии и определенных стилистических приемов, характерных для текстов правовой тематики. Язык права является частью литературного языка, вариантом официально-делового стиля.

Своеобразие любого национального языка права определяется его организационной связью с соответствующей правовой системой конкретного государства. Изучение иностранного языка означает поэтому для юриста одновременное изучение другой правовой системы. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы, представленной в сознании юриста-переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права. При обучении юридическому переводу мы используем аутентичные тексты на английском, немецком, французском и русском языках четырех типов: 1) нормативные (законодательные), 2) научно- и учебно-правовые, 3) судопроизводства, 4) юридических документов. Данная типология достаточно полно представляет всю сферу права.

В заключение отметим, что лингводидактическая концепция, основанная на использовании в процессе обучения юридическому переводу сопоставительного анализа национально-культурных концептосфер, контактирующих

в учебном процессе, помогает студентам овладеть разными системами концептуализации юридической действительности, способствует развитию их переводческой компетентности, эвристических и лингвокреативных способностей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВЕРБИЦКАЯ, М.В. (2000): Теория вторичных текстов: Автореф. дис. доктора филол. наук. М.
- ГАДАМЕР, Х.-Г. (1988): *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.
- ГУМБОЛЬДТ, В. (1984): *Избранные труды по языкознанию*. М.
- ДЕРРИДА, Ж. (2000): Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Французская семиотика: от структурализма к постмодернизму*. М.
- ЛЕВИТАН, К.М. (2011): *Юридический перевод: основы теории и практики*. М., Екатеринбург.
- НЕСТЕРОВА, Н.М. (2005): *Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм*. Пермь.
- ШЕВНИН, А.Б. (2010): *Переводческая эрратология: теория и практика*. Екатеринбург.

Ли́дия МА́ЗУР-МЕЖВА

Польша, Кельце

ПЕРЕВОД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ БИЗНЕСА

ABSTRACT:

Translation in the Process of Learning and Teaching Russian Business Language

The article deals with the problems of translation in the process of learning Russian business language. The author underlines the essential role of proper perception of an original text as well as of competent usage of dictionaries to look up the equivalent words for translated meanings. Translation is conducive to natural and free comparison of native language and the foreign one. It also helps to know a structure and elements of foreign language. It is useful to overcome language interferences.

KEY WORDS:

Translation – learning – perception – economic terminology – interlanguage heterofemy – foreign words – equivalents – dictionaries.

В настоящее время выпускники русской филологии в нашей стране довольно редко находят работу в школах, чаще всего они могут работать переводчиками на предприятиях, в фирмах и других учреждениях. В связи с этим большой интерес вызывает русский язык бизнеса и эта специальность пользуется большой популярностью среди поступающих в наши вузы.

Важную роль в обучении русскому языку бизнеса играет перевод, поэтому мы попытаемся рассмотреть его как один из эффективных средств овладения иностранным языком и в то же время обратим внимание на то, что неправильное использование перевода в лингводидактике может способствовать усилению межъязыковой интерференции.

На каждом этапе обучения иностранному языку перевод занимает важное место. Начиная с порогового уровня обучения, где мы переводим отдельные слова, а затем предложения, по продвинутому уровню, когда мы можем переводить уже разные тексты, касающиеся как повседневной жизни, так и научные, публицистические, технические, специальные и другие.

Введение перевода в процесс обучения иностранному языку независимо от уровня школы и обучения, всегда требует от учащегося многих усилий. Он дол-

жен обладать не только теоретическими и практическими знаниями по сопоставительной лингвистике, но и ориентироваться в вопросах теории и практики перевода.

Мы считаем, что перевод может обогатить практику обучения иностранным языкам, хотя, правда, нет единого мнения среди лингвистов относительно роли перевода в методике преподавания иностранных языков. Споры и разногласия по этому вопросу продолжаются уже свыше ста лет. Сторонники перевода в обучении иностранному языку выдвигают следующие аргументы: во-первых, перевод способствует натуральному и свободному сопоставлению учащимися родного и иностранного языков, что облегчает ознакомление со структурой и элементами иностранного языка, во-вторых, перевод способствует быстрому и эффективному контролированию возможностей понимания языка и, в-третьих, перевод помогает преодолеть и нейтрализовать межъязыковое влияние, которое очень характерно для близкородственных языков.

Противники перевода в обучении иностранному языку представляют следующие контраргументы:

– перевод осложняет установление непосредственной связи между словом на родном языке и на иностранном, а это замедляет овладение целевым языком;

– перевод является постоянным источником негативного трансфера языкового коммуникативного, значит, межъязыкового влияния.

Мы придерживаемся мнения сторонников перевода в обучении иностранному языку, так как в многолетней практике мы убедились в том, что перевод является важным стимулом в процессе овладения языком и студенты охотно занимаются любым переводом, так как он доставляет им большого удовольствия и одновременно расширяет их знания.

Включение перевода в методику преподавания иностранных языков может быть полезным уже хотя бы с практической точки зрения. Следует здесь отметить все возрастающее значение перевода в международных контактах в области политики, экономики, науки и техники, культуры, спорта, туризма и других областях. В этом контексте непонятным кажется подход некоторых учителей-противников перевода в обучении иностранным языкам, поскольку они возражают против конкретного и постоянно возрастающего спроса на перевод, особенно сегодня, несмотря на процесс глобализации.

Если мы признаем, что перевод является одним из эффективных средств овладения иностранным языком, то надо ответить также на вопрос, создает ли передача с родного языка на иностранный условия для межъязыковой интерференции или же помогает ее преодолеть? Можно полагать, что неправильное использование перевода в лингводидактике может способствовать усилению этой интерференции, а умелое его применение порождает механизмы ее подавления.

Во многих исследованиях совершенно верно подчеркивается, что перевод может стимулировать развитие четырех основных языковых умений: понимания, чтения, писания и говорения.

Одной из наиболее спорных проблем, рассматриваемых в интересующей нас литературе, является установление момента, в котором надо использовать перевод как лингводидактическое средство: в начале обучения, на среднем уровне или же на продвинутом.

В современных исследованиях, учитывая натуральную склонность учащихся к переводу, отдают почтение введению перевода уже с порогового уровня обучения языку. Однако, по нашему мнению, в лингводидактике можно пользоваться переводом скорее как вспомогательным средством, а не как основным, единственным.

Русскому языку бизнеса обучаются, главным образом, те, кто уже неплохо владеет русским языком (имеются в виду студенты Института русской филологии Университета Яна Кохановского), поэтому нам приходится вводить перевод на продвинутом уровне обучения.

По нашим наблюдениям, можно сказать, что при переводе специально ориентированных текстов, наряду с передачей терминов и специальных понятий, появляются те же проблемы, которые выступают при переводе других текстов.

Некоторые считают, что переводить с близкородственного языка намного легче, чем с другого языка. Однако переводческая практика подтверждает факт, что трудности, характерные для перевода с близкого языка, не выступают в процессе перевода с неродственных языков. Они специфичны только для близких языков, таких, как, например, славянские.

Явление межъязыковой гетерофемии, играющей деструктивную роль и опасной при трансляции с близкородственных языков, выступает также при переводе с русского языка бизнеса на польский язык. Сам термин *гетерофемия* как формальное соответствие (графическое и фонетическое) слов или языковых единиц разных языков с несоответствующим значением ввела О. С. Ахманова [Ахманова 1966: 83]. Впервые, для обозначения этого явления появился термин *faux amis du traducteur* во французском языкознании, который является адекватным русскому *ложные друзья переводчика*. Этот термин ввел в научную советскую литературу Сергей Толстой [Grosbart 1984: 89].

Приведем примеры слов, звучащих одинаково в русском и польском языках, но имеющих другое семантическое значение [Mazur-Mierzwa 2003: 209]:

выручка – wpływ, utarg, dochód, a nie wyłączenie

ликвидность – płynność, a nie likwidacja

затраты – wydatki, nakłady, koszty, rozchody, a nie straty

плавающий валютный курс – płynny kurs walutowy, a nie pływający

выгода – korzyść, a nie wygoda

промысел – rzemiosło, praca uboczna, a nie przemysł

жалоба – skarga, zażalenie, a nie żaloba

заказ – zamówienie, a nie zakaz

пенсия – renta, emerytura, a nie pensja

погашение – spłata, a nie ugaszenie czy zagaszenie

маркировка – oznakowanie, a nie markowanie

Таких примеров очень много и, конечно, они доставляют проблемы не только начинающим переводчикам, но и более опытным. В подобных случаях можем иметь дело с буквальным переводом, нарушающим языковые нормы перевода или искажающим смысл оригинального текста. Важно отметить, что многие слова, звучащие почти одинаково, имеют такое же значение, напр., *агент-agent*, *лизинг-leasing*, *маклер-makler*, *облигации-obligacje*, *паритет-paritet*, *ревалоризация-rewaloryzacja*, *ретракта-retrata*, *инкассо-inkaso* и др.

Несомненно, перевод бизнес текстов требует от переводчика знания лексики в области экономики, управления и маркетинга, банковского дела и права. Он должен также знать синтаксические конструкции, которые влияют на адекватность перевода.

Следует отметить, что в русской специальной терминологии, так как и в польской, есть много заимствований из других языков. Однако в процессе перевода данные заимствования не трудно передать, так как они имеют такое же семантическое значение и звучат похоже, напр., *картель-kartel*, *брокер-broker*, *клиринг-clearing*, *ваучер-vaucher*, *реинвестиция-reinwestycja*, *сальдо-saldo*, *тендер-tender*, *свинг-swing* и др.

Важной проблемой в процессе обучения русскому языку бизнеса являются аббревиатуры и их передача на польский язык. Они составляют большую группу и, по-видимому, в России они вполне известны, так как в газетных статьях они выступают очень часто без пояснений, напр., *БОМЖ*, *МРОТ*, *НПФ* и др. В польском языке нет для них эквивалентов - аббревиатур и надо передать их описательным способом, т.е.: *Brak określonego miejsca zamieszkania*, *Placa minimalna*, *Niepaństwowe Fundusze Emerytalne*.

Надо сказать, что новейшие исследования показывают, что во всем мире все больше недооценивают роль перевода в обучении иностранному языку. Психолингвисты считают, что исключение родного языка из этого процесса является серьезной дидактической ошибкой, граничащей с абсурдом.

Мы считаем, что перевод занимает важное место в процессе обучения русскому языку как иностранному (в том числе и русскому языку бизнеса), но необходимо ввести в этот процесс новый импульс и покончить со старыми школьными программами, когда применялись только грамматико-переводческие методы. Правильный отбор текстов, предназначенных для перевода является существенным моментом в трансляционной лингводидактике.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- GROSBART, Z. (1984): *Teoretyczne problemy przekładu literackiego w ramach językach bliskopokrewnych*, Łódź.
- MAZUR-MIERZWA, L. (2003): Z problematyki tłumaczenia rosyjskich tekstów specjalistycznych na język polski. In: *Języki specjalistyczne – zagadnienia dydaktyki i przekładu*. Katowice.
- АХМАНОВА, О. С. (1966): *Словарь лингвистических терминов*, Москва.
- ФЕДОРОВ, А. В. (1968): *Основы общей теории перевода*, Москва.

ЛЕЙЛА МИРЗОЕВА

Казахстан, Алматы

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:**The Potential of Expressing Evaluation by Certainty/Uncertainty in Russian**

This article is devoted to such specific category as certainty/uncertainty, and its representation in Russian language. There are no special grammatical means for its expression in Russian, it is semantically and pragmatically specialized category, which is why it is related to the modal frame of an utterance. It is pointed out that uncertainty is closely connected with negative evaluation and it is also used in order to manipulate recipients' impression.

KEY WORDS:

Certainty/uncertainty – evaluation (in language) – emotive meaning – pragmatics – irony – picture of the world – personality in language.

В связи с тем, что в лингвистических исследованиях последнего времени реализована возможность использования сочетания когнитивного и прагматического подходов, становится необходимым рассмотрение под данным углом зрения такой категории, как определенность/неопределенность, в рамках которой прагматическое значение зачастую становится преобладающим. Наиболее часто примат прагматической составляющей отмечается тогда, когда значение определенности/неопределенности реализуется в таких подсистемах, как разговорная речь и художественный текст.

В русском языке нет регулярного грамматического показателя, специализированного на выражении данного значения; поэтому определенность/неопределенность выражается целым комплексом взаимодействующих средств и может рассматриваться как многоуровневая категория, т.к. средства, выражающие данное значение, соотносятся с разными языковыми уровнями. Как указывает М. В. Маштакова, в русском языке к функциям категории определенности-неопределенности относятся функции актуализации и

детерминации, которые выражаются лексическими, грамматическими, морфологическими и синтаксическими способами [Маштакова 2005: 9]. «Таким образом, категория определенности-неопределенности в русском языке является функционально-семантической, имеет отражательный характер, но отражает не объективные свойства предметов и явлений, а характер этих предметов и явлений с точки зрения адекватности представления их в сознании говорящего и слушающего, что придаст ей субъективно-объективную направленность» [Вороновская 1984: 127]. Отметим также, что в рамках данной субъективно-объективной направленности может быть реализован и аксиологический потенциал данной категории. Как будет показано ниже, значение неопределенности в ряде случаев сопрягается с пейоративным полюсом оценочной шкалы; значение же определенности в этом случае воспринимается как своеобразный оценочный нуль, как нечто ожидаемое и вследствие этого безразличное к оценочному знаку.

Следует также подчеркнуть, что категориальное значение определенности/неопределенности возможно воспринимать как часть эмоциональной языковой картины мира: так, неопределенное *авось* воспринимается синхронно и как негативная оценка того, с чем оно сопрягается в модальной рамке высказывания.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, в современной лингвистике наметилась тенденция к выделению особого аспекта рассматриваемой проблемы – эмоциональной языковой картины мира, которая выступает как разновидность языковой картины мира. На наш взгляд, в ней оценочный аспект языка находит наиболее полное и разнообразное выражение. «Под эмоциональной языковой картиной мира понимается совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, эмоциональных концептов. Оязыковляясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование. При этом компоненты, организующие эмоциональную языковую картину мира, эмоционально «прорабатываются» человеком. Иначе говоря, ментальное освоение фрагментов мира, то есть познание окружающей действительности, всегда сопровождается классификационно-квалифицирующими ментальными поступками человека. Таким образом, эмоциональная языковая картина мира предстает как оценочная деятельность человеческого сознания при ментальном освоении мира. Поскольку эмоциональная языковая картина мира проецируется в нашем языковом сознании, ее зарождение, становление, развитие обусловлены самим языком» [Волостных 2007: 6].

По нашему мнению, оценочность следует считать тем фундаментом, на котором и формируется национально-специфичная картина мира; следовательно, если рассматривать ее на диахронической оси, эволюция ценностных ориентаций, отраженных в языке с помощью ряда специализированных средств выражения, является основной причиной, генерирующей трансформацию национально-специфичной картины мира, которая «передает особенности национального мировидения и отличается универсальностью, экспрессивностью, а также антропоцентричностью» [Караулов 1986: 12]. Адекватность лек-

сической единицы актуальной русской культурной картине мира и современным представлениям о русской языковой личности, ее «восприимчивость» всеми членами языкового коллектива зависят не только от фонетического, графического и тому подобного оформления, но и от соответствия ее семантики и структуры общерусскому языковому типу, системе ценностей, ориентации на прагматическом уровне языковой личности, а также «сетке понятий», представляемой общей и индивидуальной картинами мира.

На основе сказанного выше хотелось бы обратить особое внимание на суггестивный потенциал значения неопределенности в процессе выражения оценки, и в особенности – на возможность инверсии оценки под воздействием данного значения.

Как показывает анализ контекстов, извлеченных из художественных текстов методом сплошной выборки, значение неопределенности (и недоверности как одна из его модификаций) способно индуцировать атмосферу кажимости, которая сопрягается с негативной частью оценочной шкалы:

Успел же он прочесть всего только несколько лекций, и, кажется, об аравитянах; ...

... начало одного глубочайшего исследования – кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху или что-то в этом роде. По крайней мере проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль.

... Прекратил же он свои лекции об аравитянах потому, что перехвачено было как-то и кем-то (очевидно, из ретроградных врагов его) письмо к кому-то с изложением каких-то «обстоятельств», вследствие чего кто-то потребовал от него каких-то объяснений.

Тема... Но кто ее мог разобрать, эту тему? Это был какой-то отчет о каких-то впечатлениях, о каких-то воспоминаниях. Но чего? Об чем? Как ни хмурились наши губернские лбы целую половину чтения, ничего не могли одолеть, так что вторую половину прослушали лишь из учтивости. Правда, много говорилось о любви, о любви гения к какой-то особе, но, признаюсь, это вышло несколько неловко (Ф. М. Достоевский. Бесы).

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на использование разноплановых лексико-грамматических средств с целью выражения значения неопределенности, подчеркивание которого и создает негативно оценочный фон для восприятия того, о чем сообщается в данном текстовом фрагменте. В число средств выражения указанного значения включаются, во-первых, неопределенные местоимения *кто-то*, *что-то*, *какой-то*, являющиеся весьма специфичным и неоднородным классом слов с позиций грамматики, но семантически и прагматически связанные с отрицательным полюсом шкалы оценок (при высокой интенсивности их использования в рамках одного контекста значение кажимости и сопровождающий его негативно оценочный ореол также интенсифицируется). Во-вторых, в качестве экспликатора негативной оценки могут быть включены модальные слова со значением недоверности

(кажется); помимо этого, ироническое восприятие объекта оценки (в данном случае – текст) подчеркивается иными модальными словами, с помощью которых субъект оценки дистанцируется от ее объекта (*очевидно, правда*).

Индущируемая негативная оценка является свидетельством того, что «кажимость» как негативно воспринимаемое вследствие своего манипулятивного характера значение имеет достаточно широкий спектр средств выражения. Мы считаем возможным говорить именно о манипулятивном характере, т.к. в приведенных нами текстовых фрагментах прослеживается именно способность языковых средств со значением неопределенности не прояснить, а именно «затуманить» суть сообщения, что и является основой манипулирования. Ср. также:

... Тут непременно кругом растет дрок (непременно дрок или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться в ботанике). При этом на небе непременно какой-то фиолетовый оттенок, которого, конечно, никто никогда не примечал из смертных, то есть и все видели, но не умели заметить, а «вот, дескать, я поглядел и описываю вам, дуракам, как самую обыкновенную вещь». Дерево, под которым уселась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжевого цвета. Сидят они где-то в Германии. Вдруг они видят Помпея или Кассия накануне сражения, и обоих пронизывает холод восторга. Какая-то русалка запищала в кустах. ...

«Мы зарыдали и расстались навеки». Она куда-то на берег моря, он в какие-то пещеры... (Ф. М. Достоевский. Бесы)

С помощью значения неопределенности может также конструироваться такое переосмысление дискурса, которое граничит с пародийным. Сравним, в частности, три приводимых ниже контекста из романа А. Т. Аверченко «Шутка мецената». В двух из них мы видим апелляцию к свидетелю, совершенно неизвестному участникам коммуникации и вряд ли существующему в действительности, в третьем – пародийная отсылка, содержащая косвенное указание на манипулятивный характер первых двух:

–...Всякому вранью есть границы!

– Ты думаешь, я вру? А если я тебе назову фамилию этого человека – Седлаков Петр Егорыч, - тоже, значит, вру? Он жил на Кировной, а теперь переехал не знаю куда. Можешь сходить к нему. Эта история подробно описана в одном немецком журнале...

...То, что я рассказал, факт! Можете проверить у капитана! Он теперь плавает на «Императрице Екатерине», Чайкин фамилия его ...

... – Я вижу, вы мне не совсем верите, но утверждаю, что собака такая была, и, как любит говорить Новакович, это легко проверить: ее звали Лорд! А владельца звали – Гусаков! Он теперь тоже плавает где-то, на чем-то.

Приведенный материал дает возможность утверждать, что категория определенности/неопределенности в русском языке находится во взаимодействии и взаимопроникновении с категорией оценки. Тесная взаимосвязь этих кате-

горий может рассматриваться как один из факторов, оказывающих влияние на формирование эмоциональной картины мира, которая актуализируется в речи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВОЛОСТНЫХ, И. А. (2007): *Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 22 с.
- ВОРОНОВСКАЯ, И. В. (1984): *Функционально-семантическая категория неопределенности в современном русском языке*. – Львов, 208 с.
- МАШТАКОВА, М. В. (2005): *Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – М. 16 с.
- СИДОРОВА, Ю. Л. (2006): *Лексические средства воплощения категории определенности/неопределенности в русском языке (На фоне итальянских средств)*: Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 231 с. РГБ ОД, 61:06-10/864.

EDITA PRÍHODOVÁ

Slovensko, Ružomberok

RUSKÁ KULTÚRA A SLOVENSKÁ KATOLÍCKA MODERNA

ABSTRACT:**Russian Culture and Slovak Catholic Modernism**

The article focuses on Slovak Catholic modern writers and their amount and form in terms of being open or closed towards Russian literature and culture. Its aim is to cover specific features of Russian cultural impulses in periodicals of Slovak Catholic modernism within the background of reception of Russian culture in the Slovak literature of the first half of the 20th century. I deal with this topic analytically according to respective periodicals divided chronologically in two generation waves. I compare the results of the analysis with the knowledge of Slovak Russian studies scholars regarding Russian literature influence in Slovak culture in the first half of the 20th century.

KEY WORDS:

Slovak Catholic modern writers – Russian culture – artistic translation – Soviet literature – emigration literature – Slovak literature

Úvod

Pre kultúrnu aktivitu jednotlivých centier slovenskej katolíckej moderny je príznačný postoj kultúrnej otvorenosti voči zahraničným impulzom, v dejinách slovenskej literatúry prvej polovice 20. storočia často formulovaný ako „otváranie okien“ do Európy. Aj keď tieto postoje mladej generácie katolíkov korešpondujú s podobnými tendenciami v slovenskej kultúre vôbec, predsa len možno predpokladať, že vo výbere zahraničných inšpirácií a impulzov i v motivácii tohto výberu, budú periodiká katolíckej moderny v mnohom odlišné od časopisov iných moderných umeleckých smerov, ktoré sa v tom istom čase na Slovensku vydávali¹ (ak berieme do úvahy už len mienkotvorné *Slovenské pohľady*, Smrekov *Elán* či ľavicovo orientovaný *DAV*). Na Slovensku v tom čase podmieňovali pozíciu ruskej literatúry dve protichodné tendencie – na jednej strane tradičné rusofilstvo, na druhej strane ho problematizoval politický vývoj v sovietskom Rusku po roku 1917 [Kusá 1998: 42]. Pre redak-

¹ Na radikálne odlišnú recepciu poľskej literatúry v prostredí katolíckych a ne-katolíckych nakladateľstiev upozornil Pavol Winczer vo svojej štúdií Dve ideológie, dva recepcné prístupy [Winczer 1994: 52–82].

torov časopisov, ktoré sa viažu ku katolíckej moderne, mohol byť prekážkou faktor konfesionalny, keďže Rusko sa tradične identifikovalo s byzantským pravoslávny m kresťanstvom, ale určite musel byť oveľa problematickejší politický faktor. Na druhej strane treba poznamenať, že redaktori si zo zahraničných impulzov vybrali tak z tvorby spisovateľov katolíckej názorovej orientácie, ako aj z tvorby autorov nekatolíkov, ak ich zaradili do kánona klasikov európskej literatúry, ku ktorému mohli patriť veľikáni ruskej literatúry ako F. M. Dostojevskij či L. N. Tolstoj a iní.

Slovenská katolícka moderna – pojem a publikačná báza

Katolícku modernu, konkrétne jej slovenský variant, môžeme charakterizovať ako obrodné kultúrne hnutie mladej generácie katolíkov v 30.–40. rokoch 20. storočia. Signálom začiatku bolo vydanie *Antológie mladej slovenskej poézie*, ktorá priniesla výber súčasnej mladej slovenskej poézie od katolíckych autorov (1933 v redakcii Rudolfa Dilonga). O rok nato sa začala vytvárať organizačná základňa slovenskej katolíckej moderny okolo literárneho mesačníka *Postup* (1934–1935). Tzv. postupisti založili v roku 1934 Spolok mladých slovenských spisovateľov. Postupisti v úvodníku prvého čísla deklarovali, že sú „voľnou skupinou mladších slovenských literátov, ktorých namiesto stanov a paragrafov spája úsilie spolupracovať na dobrom literárnom dnešku“ [redakčný kruh 1934: 1]². Časopis *Postup* prestal vychádzať, keď zo Spolku mladých slovenských spisovateľov „z ideových, osobných a iných zásadných dôvodov“ [Geraldini 1936:1] – konkrétnejšie nedefinovaných – odišli mimobratisklavskí členovia, následkom čoho sa spolok rozpadol. Po jeho zániku začal užší redakčný kruh pôvodného *Postupu* (Rudolf Dilong a Karol Geraldini) vydávať časopis *Prameň* (1936–1937), ktorý chcel pokračovať v pracovnom smerovaní pôvodného *Prameňa*, iba s tým rozdielom, že ho už organizačne nebude kryť žiaden spolok a že sa nebudú uberať cestou „starého negativizmu“ [Geraldini 1936: 1]. Tretím časopisom s krátkym trvaním, ale v zásade s tou istou redakciou ako *Postup* a *Prameň* (Ivan Minárik, Rudolf Dilong, Fero Korčok), je časopis *Nové slovo*, vydávaný v rokoch 1939–1940. Postupisti nechceli byť iba vnútrocirkevným hnutím. Názov časopisu a básnickej skupiny zvolili tak, aby neupriamoval pozornosť na konfesionalne aspekty. Uvedené časopisy boli otvorené aj pre autorov-nekatolíkov a zároveň katolícki autori sa pokúšali presadiť sa aj v iných ako „svojich“ tlačových orgánoch (najmä v *Eláne* a v *Slovenských pohľadoch*).

Z uvedených faktov je zřejmé, že redaktori a prispievatelia do časopisov *Postup*, podobne aj *Prameň* a *Nové slovo*, sa snažili o prekročenie kultúrnej izolácie katolíkov a katolíckej cirkvi na Slovensku zo systému národnej kultúry. Líniu svojej kultúrnej tvorby vytýčili dvojako: – pozitívne – ako úsilie nadväzovať na obrodné hnutia katolíkov v iných európskych krajinách; a negatívne – opozične voči generácii starších, združených v Spolku svätého Vojtecha a pri časopise *Kultúra*. Vzťah mladých k svätovoješskej *Kultúre* sa zmenil v januári 1941, keď dovedy pôsobiacoho redaktora Jána Pöstenyího vymenila nová generácia (Ladislav Hanus, Jozef Kútnik

² Pri citácii z uvádzaných časopisov katolíckej moderny nezaznamenávam údaj „číslo“, ktoré nebolo možné zo zviazaných zväzkov zistiť. Redaktori však jednotlivé ročníky číslovali v postupnej nadväznosti, preto identifikačný údaj rok a strana by mal byť dostačujúci.

Šmálov, Ján Sedlák, Mikuláš Šprinc). Nový šéfredaktor Ladislav Hanus výrazne zmenil koncepciu časopisu, jeho zloženie, zameranie na adresáta – urobil z *Kultúry* časopis otvorený pre mladých autorov, intelektuálov a umelcov so zámerom nielen tematizovať aktuálne otázky náboženstva, ale zároveň prinášať aktuálne podnety z oblasti kultúry a umenia. V roku 1943 založil Ladislav Hanus časopis *Obroda* ako časopis slovenskej kultúrnosti, ktorý však bol v roku 1944 zastavený (podobne ako *Kultúra*). Posledné snahy o vytvorenie kultúrneho tlačového orgánu katolíckej inteligencie, najmä skupiny autorov okolo Ladislava Hanusa predstavuje časopis *Verbum* (1946–1948), ktorý bol spolu s inými katolíckymi časopismi zrušený represívnymi administratívnymi a politickými opatreniami.

Dobová literárna kritika na Slovensku začala tieto kultúrne snahy mladých katolíkov sumárne zastrešovať pojmom katolícka moderna. Ich časopisy sa už v aktuálnom čase, keď vychádzali, chápali ako časopisy katolíckej moderny [Hamada 2008: 641–644], aj keď sa jeho redaktori držali zámeru nezakladať nové spolky a byť nadsmerovými časopismi [Geraldini 1936: 1; v podobnom znení aj redakcia 1939: 18–19]³.

Svätovojeťská Kultúra a ruská kultúra

Časopis *Kultúra* vydával Spolok svätého Vojtecha v Trnave, ktorého najdôležitejším poslaním ako cirkevného spolku, bolo upevňovať vo viere a pomáhať veriacim orientovať sa v aktuálnych kultúrnych trendoch, ktoré zhodnocoval z hľadiska náboženského, duchovného a etického. *Kultúra* počas redigovania Karola Körpera a Jána Pöstenyiho (do roku 1940) sa zameriavala na „*duchovné potreby pospolitého ľudu... mládeže... laickej i kňazskej inteligencie*“ [*Kultúra* 1936a: nečíslované]. Avšak široko definovaný adresát si vynútil kompromisné riešenie, a to také, ktoré sa obrátilo v prospech jednoznačnosti, explicitnosti a utilitárnosti kvôli „pospolitému ľudu“. *Kultúra* zároveň zvýznamňovala zástoľ katolíkov na poli európskej kultúry a informovala o ňom v každom čísle v rubrike *Kultúrny život inde*.

Svätovojeťská *Kultúra* odmietla kvôli politickému vývoju v ZSSR aj klasickú ruskú literatúru an blok, ba dokonca aj tradičné rusofilstvo (ako ho „vyznávali“ veľkí bardí slovenskej literatúry 19. storočia, napr. Vajanský). Prinášala síce mnohé informácie o ZSSR, tie však boli selektované z hľadiska nezlučiteľnosti náboženského a socialistického kultúrneho smerovania. Vzdialenie sa od kultúry Ruska i Sovietskeho Zväzu *Kultúra* kompenzovala v prospech poľskej literatúry, ktorú vnímala ako blízku z hľadiska náboženského i sociologického [Winczer 1994: 52–82].

Prvá generačná vlna katolíckej moderny na Slovensku a ruská kultúra

Časopis *Postup* (1934–1935) bol tlačovým orgánom literárnej skupiny *Postup*, ktorá sa predstavila ako tretia literárna generácia (oproti druhej smrekovsko-lukáčovskej z 20. rokov a oproti prvej kraskovskej zo začiatku storočia). Postoje postupistov k ruskej kultúre iste ovplyvňoval fakt, že medzi spolupracovníkov redakcie a najaktívnejších prispievateľov patrila ruský emigrant Alexander Pogorieľov,

³ Už zo základných časovo-typologických súradníc je zrejmé, že pojem katolícka moderna sa v slovenskej literárnej histórii používa v značne posunutom význame oproti tomu, ako sa zaužíval v českej kultúre, napríklad u Martina C. Putny v monografiách o katolicizme *Česká katolícka literatúra v evropském kontextu 1848–1918* (Praha: Torst 1998) a *Česká katolícká literatúra 1918–1945* (Praha: Torst 2010).

syn ruského emigranta Valerija A. Pogorielova, profesora slovanskej filológie na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského (Slovenskej univerzity) v Bratislave [Pogorielová 2004: 36]. Alexander Pogorielov bol predtým členom literárnej skupiny Utópia, ktorá časom splynula s Postupom. Publikoval najprv na stránkach *Slovenských pohľadov*, od ktorých sa po odchode Štefana Kréméryho dištancoval [Pogorielov 1934: 11]. Od roku 1934 uverejňoval svoje básne, články a preklady v *Postupe*. Aktívne a suverénne vstupoval do kultúrneho života na Slovensku; okrem literárnokritických, básnických príspevkov a prekladov v *Postupe* vydal dve zbierky básní: *Kruhy* (1930, vydavateľstvo Utópia) a *Verše o stratených* (1934, vydavateľstvo F. Urbánka, edícia Postup), ktorú sám graficky vkusne upravil. Zbierka spája sociálne a erotické ladenie v motíve lásky k prostitútke. Zároveň sa jeho lyrickí hrdinovia a lyrické hrdinky vyznačujú náboženskou vierou, ktorá je budovaná na osobnom zážitku, a to bez ohľadu na problematickú morálku. Aj keď vo svojej publicistickej a básnickej tvorbe netematizuje explicitne Rusko ako svoju vzdialenú vlasť, predsa sa v recenzentských ohlasoch nachádza zmienka o jeho emigrantskom osude, o jeho spojení s rodnou zemou, napriek tomu, že je voči nej kritický [Bor 1934: 11].

Okrem A. Pogorielova sa na stránkach *Postupu* objavujú preklady z ruskej i sovietskej literatúry od básnika Jána R. Poničana a prekladateľa s pseudonymom – sa. O kultúrnom dianí v ZSSR prinášal správy aj Janko Borodáč. Časopis *Postup* celkovo – iste aj cez pôsobenie Alexandra Pogorielova, ale nielen jeho – pôsobí ako časopis otvorený pre rôzne ideové prúdy a ruské kultúrne impulzy (možno to tvrdiť o iných zahraničných inšpiráciách, pretože *Postup* okrem ruskej literatúry prinášal preklady zo srbskej, chorvátskej, slovinskej, rumunskej, ale aj francúzskej a nemeckej literatúry). Necítiť v ňom náboženskú utilitárnosť, skôr nástojčivú snahu o to, aby ich generácia starších akceptovala a to aj cez spoluprácu s mladými literátmi iných (i protichodných) ideových zameraní. Táto tendencia sa presadila na úkor myšlienkového vyhradenosti, ktorá je pre redakciu kultúrneho časopisu iste žiadúca.

Časopisy *Praveň* (1936–1937) i *Nové slovo* (1939–1940) pokračovali v línii „kultúrnej otvorenosti“ *Postupu*. Z ruskej a sovietskej literatúry stále prekladali Ján R. Poničan a Alexander Pogorielov. V *Novom slove* sa redaktor Fero Korček vyjadril k súdobej prekladateľskej praxi na Slovensku. Preklady zo zahraničných literatúr mali podľa neho komplementárnu úlohu: zapĺňali medzeru, ktorá vznikla z nedostatku kvalitnej domácej tvorby. Podobne ako iní hodnotitelia prekladateľskej praxe na Slovensku [napr. Chorváth 1943–1944: 87] aj on popri spokojnosti s nárastom prekladaných diel vyjadril nespokojnosť s tým, že výber prekladaných diel je nesystematický až náhodný, čo je zrejme z toho, že nie všetky prekladané diela sú reprezentatívne z hľadiska estetického úrovne [fk. 1939: 79].

Druhá generačná vlna katolíckej moderny na Slovensku a ruská kultúra

Druhá generačná vlna katolíckej moderny na Slovensku vstupuje na kultúrnu scénu v 40. rokoch 20. storočia. Okrem časopisov, ktorých vznik sami iniciovali (*Obroda*, *Verbum*), publikovali v konfesionalne neutrálnych kultúrnych periodikách akými sú napr. *Slovenské pohľady*, ale i v *Kultúre*, ktorej redaktorstvo prebral v januári 1940

Ladislav Hanus. Počas redigovania Ladislava Hanusa sa *Kultúra* transformovala na časopis, ktorý sa popri misii upevňovania vo viere, resp. v náboženských a kresťanských hodnotách usiloval aj o kultiváciu čitateľského vkusu. Zmenu jeho smerovania možno pars pro toto dokumentovať práve vo vzťahu k ruskej kultúre.

Hanusova *Kultúra* sporadicky prinášala verše ruských klasikov, upovedomovala čitateľov o slovenských prekladoch z ruskej literatúry a prinášala o nich rozsiahle recenzie. Recenzenti nielen zhodnocovali úroveň slovenského prekladu, ale prinášali čitateľom autorský portrét a náčrt poetiky takých klasikov ruskej literatúry, akými bol Alexander S. Puškin, Nikolaj V. Gogol', Anton P. Čechov a Fiodor M. Dostojevskij. Eugen Pauliny oboznámil čitateľov s významnou prácou Alexandra V. Isačenka z veľkomoravského obdobia: *Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok* [Pauliny 1943a: 233]. Na stránkach „mladej“ *Kultúry* bola uverejnená polemika dvoch rusistov a ruských emigrantov, ktorí svoju emigráciu sčasti prežili aj na Slovensku – Alexandra V. Isačenka a Valerija A. Pogorielova: kritický pohľad profesora Valerija A. Pogorielova na *Príručku ruského jazyka* Alexandra V. Isačenka [Pogorielov 1944a: 60–61] vyvažuje pokojný a jasný štýl odpovede Alexandra V. Isačenka [Isačenko 1944a: 124].

Ako to konštatovali viacerí slovakisti a rusisti,⁴ až v 40. rokoch sa na Slovensku začína prejavovať záujem o dielo Fiodora M. Dostojevského. Podľa viacerých z nich⁵ dôvodom oneskorenia boli idealizované predstavy o Rusku, do ktorých postavy a problémy nastolené v románoch Fiodora M. nezapadali. V súlade s celoslovenským trendom možno badať začiatok záujmu o Dostojevského aj u autorov druhej generačnej vlny slovenskej katolíckej moderny. Neuvedený prekladateľ na stránkach *Kultúry* publikoval úryvok z knihy Nikolaja O. Losského: *Dostojevského „Legenda o Veľkom inkvizítovi“* z pripravovanej Losského knihy *Dostojevskij a jeho kresťanský svetonáhľad*, ktorá v slovenskom preklade vydal Spolok slovenských spisovateľov až v roku 2009. Ladislav Hanus uverejnil článok o knihe Romana Guardiniho, v ktorej známy nemecký teológ interpretuje romány Fiodora M. Dostojevského.

Určite obaja myslitelia – Losskij, ale najmä Guardini – inšpirovali Ladislava Hanusa k čítaniu a reflektovaniu Dostojevského románov nielen ako umeleckých, ale aj ako filozofických inšpirácií.

Ladislav Hanus v roku 1942 publikoval v *Slovenských pohľadoch* štúdie *Kristova postava u F. M. Dostojevského*⁶ a *F. M. Dostojevskij a svet bolševizmu (Poznámky k románu Besy)*⁷.

⁴ Kusá, M. (1998): Hĺbka a šírka záberu (1918–1938). In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996*, Lesňáková, S. (Ed.), Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, s. 41–65.

Tesařová, J. (1998): Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1945). In: Lesňáková, S. (ed.): *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, s. 66–80.

⁵ Okrem známejšieho príspevku A. Matušku v *Živene* 1943: 6–7 to bol aj J. Kúttnik Šmálov v *Kultúre* 1943a: 507.

⁶ Pôvodne uverejnené v *Slovenských pohľadoch* 1942, č. 8/9: 520–538.

⁷ Pôvodne uverejnené v *Slovenských pohľadoch* 1942, č. 3: 153–164. Obe štúdie o Dostojevskom sú publikované v knižnom vydaní Hanusových časopiseckých článkov pod názvom *Umenie a náboženstvo*, Bratislava 2001. V tejto kapitole vychádzam zo súborného knižného vydania.

Prioritnou Hanusovou otázkou, na ktorú sa zameril pri prvej štúdií o Dostojevskom, bola – podobne ako u Nikolaja O. Losského – snaha „*vyložiť Dostojevského kresťanský svetonáhľad*“ [Hanus 2001: 132]. Za materiál k interpretácii mu slúžil román *Idiot a Legenda o Veľkom inkvizítovi*, ktorú autor vložil do románu *Bratia Karamazovci*. Interpretačnou oporou sa pritom pre Hanusa stáva Guardiniho lektúra Dostojevského, ktorú predstavuje kniha *Der Mensch und der Glaube* [Guardini 1932]. Podľa Romana Guardiniho i Hanusa knieža Myškin neznázorňuje len zbožného kresťana, ale samého Krista,⁸ a to najmä v týchto črtách: má tajomný pôvod, je chudobný v duchu – slobodný od naviazanosti na majetok, je šľachetný, zastáva sa všetkého, čo je slabé, čisté a ohrozené, vypovedá o človeku to, čo je očiam skryté, jeho odlišnosť vzbudzuje v okolí pohoršenie, je nazvaný baránkom a prvým človekom [Hanus 2001: 152–153]. V *Legende o Veľkom inkvizítovi* Hanus identifikuje ako ústrednú tému slobody [Hanus 2001: 155]. Na základe toho posúva Hanus sémantiku príbehu o stretnutí kardinála Veľkého inkvizítora s Kristom takto: „*Vo svojej Legende o Veľkom inkvizítovi má (Dostojevskij) na myslí skôr socializmus než katolicizmus, ktorý poznal len povrchné*“ [Hanus 2001: 156].⁹ Tento Dostojevského príbeh podľa neho vypovedá o veľkej potrebe novovekého človeka byť slobodný, hoci je vystavený rôznym (najmä politickým) formám uzurpácie slobody. Podľa oboch interpretov (Guardiniho i Hanusa) Dostojevskij v *Legende* vytvoril obraz Krista ako naratívnu metaforu, ktorá je prirodzene v povedomí čitateľa silne spätá s biblickým pretextom. Kristus z Dostojevského *Legendy* však nie je totožný ani s historickým Ježišom, ani s Kristom viery [Hanus 2001: 157].

V článku *F. M. Dostojevskij a svet bolševizmu* v časti s podnázvom *Ruská situácia* charakterizuje Hanus kultúrnu situáciu Ruska, špeciálne Ruska v 19. storočí ako výsledku dlhodobého kultúrneho vývoja [Hanus 2001: 112–118]. Zdôvodňuje ju geograficky (nekonečnosť ruskej zeme) a typológiou „ruskej duše“. Hanus aj v tejto štúdií uchopuje základnú problémovú situáciu prostredníctvom románových postáv a ich myšlienkového horizontu. Postavy predstavujú Hanusovi určitý kultúrny typ, nie iba individuálny osud jednotlivca. Rozvíja tu charakteristiku postáv Stavrogina a Kirillova z románu *Besy*. Stavrogina napríklad vníma typologicky ako „*novovekého dandyho*“ [Hanus 2001: 124].

⁸ V tomto bode sa ich interpretácia výrazne líši od názorov Nikolaja O. Losského, ktorý považoval postavu kniežaťa Myškina za stelesnenie idey „krásneho človeka“ [Losskij 2009].

⁹ Tu sa Hanus vzdáva od interpretácie R. Guardiniho, podľa ktorého „*Dostojevskij führe hier die Sache Christi gegen ihren schlimmsten Gegner*“ [Guardini 1932: 158]. Ale podľa Guardiniho nepriateľský princíp, ktorý je zosobnený v postave kardinála Veľkého inkvizítora, nie je možné jednoznačne identifikovať v jedinom fenoméne. Guardini uvádza, že Dostojevskij mal troch až štyroch nepriateľov: socializmus, racionalisticko-idealistickú kultúru Západu, Katolícku cirkev a Nemcov [Guardini 1932: 159], ktorých vo svojich románoch znižoval, ale voči ktorým sa nepostavil do otvoreného konfliktu. Príčiny tejto Dostojevského apatie by mohla odkryť presnejšia analýza, tá však ostáva mimo Guardiniho interpretačnej línie. Aj keď Guardini necháva otázku konkretizácie nepriateľského anti-kresťanského princípu *Legendy* otvorenú, pochybuje, že by spisovateľovi išlo iba o dlhodobý boj Byzancie a Ríma [Guardini 1932: 158]. Ak by aj spisovateľ v *Legende* chcel znázorniť iba takýto tendenčný a stranícky význam konfliktu, dovoľuje si Guardini polemizovať s veľkým spisovateľom a interpretovať jeho dielo slobodnejšie, mimo jeho striktného spisovateľského zámeru, pretože postavy románu neposlúchajú spisovateľa, ale správajú sa podľa svojich vlastných zákonov a podliehajú vnútornej dynamike [Guardini 1932: 159].

Vo svojich interpretáciách Dostojevského Hanus z literárnej analýzy pozvoľna prechádza na pole filozofickej antropológie a etiky, keď sa zaoberá morálnou motiváciou skutkov Dostojevského postáv, sleduje vnútornú dialektiku ich svedomia a identifikuje ich existenciálne stavy [Hanus 2001: 140–145].

Na pozadí toho, ako sa Ladislav Hanus profiloval v *Slovenských pohľadoch*, je ťažko vysvetliteľné, prečo sa jeho záujem o ruskú kultúru všeobecne alebo o Dostojevského špeciálne neprejavil na stránkach časopisu *Obroda* (bol vydaný iba jediný ročník na prelome rokov 1943–1944). *Obroda* neprinesla o ruskej klasickej či emigrantskej literatúre takmer žiadne zmienky (výnimkou je recenzia na Puškinovu *Pikovú dámu*: jks 1943: 207).¹⁰ Zato časopis *Verbum* (1946–1948), ideovo blízky Ladislavovi Hanusovi (v redakcii pracovali Janko Silan, Jozef Kútnik Šmálov a ďalší), vyslovene tematizoval otázky ako „slovanská myšlienka“ či „ruský človek“, témy inšpirované čítaním ruských klasikov, ale zároveň pripomínajú myšlienky Nikolaja A. Berďajeva. *Verbum* – v priamej linii s „mladou“ *Kultúrou* – prinášal rozsiahle recenzie na knihy ruských klasikov i novších autorov: Turgeneva, Gončarova, Solovieva a Fadejeva.

Záver

Analýza problematiky prieniku ruskej kultúry do publikačných iniciatív slovenskej katolíckej moderny odhalila rôznorodé kultúrne stratégie od úplnej uzavretosti a separácie (*Kultúra* J. Pöstenyiho), cez otvorenosť pre určité „výberové“ vplyvy najmä od veľkých ruských klasikov 19. storočia (*Kultúra* L. Hanusa, *Verbum*) až po takmer bezmedznú (bezvýberovú) otvorenosť (*Postup*, *Praveň*, *Nové slovo*) danú okolnosťami imanentnými (zámerom redakcie presadiť sa aj v mimocirkevnom kultúrnom živote) i mimoliterárnymi (zložením kmeňových autorov ako A. Pogorielov, Ján R. Poničan). Príspevky z ruskej či sovietskej kultúry mali najčastejšie podobu recenzií prekladaných kníh, kultúrnych správ, autorských portrétov pri príležitosti ich okrúhlych jubileí, článkov o nejakej sfére ruskej či sovietskej kultúry (aj keď tieto boli podané so zámerom informovať o „nepriateľovi“). Z autorov, ktorých inšpirácie sa objavili na stránkach časopisov slovenskej katolíckej moderny, išlo najmä o veľkých ruských spisovateľov (Puškin, Gogoľ, Čechov, Turgenev), filozofov (Soloviev, Berďajev) a o autorov – emigrantov (Losskij, Isačenko), zriedkavejšie o autorov socialistickej orientácie. Viaceré kultúrne tendencie v časopisoch katolíckej moderny korešpondovali s procesmi, ktoré možno identifikovať v rámci celonárodných kultúrnych tendencií: oneskorený ale intenzívny umelecký a mysliteľský záujem o Fiodora M. Dostojevského, tematizácia problematiky umeleckého prekladu či problematizácia tradičného idealizujúceho rusofilstva.

POUŽITÁ LITERATÚRA:

GUARDINI, R. (1932): *Der Mensch und der Glaube*. Leipzig: J. Hegner.

GUZYOVÁ, O. (2002): *Ruská emigrantská literatúra v kontexte slovenskej literatúry a kultúry v rokoch 1921–1945*. Prešov: Náuka.

¹⁰Do úvahy pripadá viacero dôvodov (výraznejšie ideové zameranie na západnú kultúru, praktický nedostatok prekladateľov z ruštiny, pragmatické politické dôvody?), s určitostou však môžeme vylúčiť, že by to bolo kvôli negatívnemu vzťahu redaktora Ladislava Hanusa k ruskej kultúre.

- HAMADA, M. (2008): *Poézia slovenskej katolíckej moderny*. Bratislava: Kalligram, Ústav slovenskej literatúry SAV.
- HANUS, L. (2001a): *Náboženstvo a kultúra*. Bratislava: Lúč.
- HANUS, L. (2003): *O kultúre a kultúrnosti*. Bratislava: Lúč.
- HANUS, L. (2001): *Umenie a náboženstvo*. Bratislava: Lúč.
- CHORVÁTH, M. (1943–1944): K problémom nášho prekladateľstva. In: *Sborník Spolku profesorov Slovákov*, č. 5–6, s. 87.
- KOPANIČÁK, J. (1994): *Dostojevskij a dnešok*. Bratislava: STIMUL.
- Kultúra VIII (1936a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra IX (1937a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra X (1938a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XI (1939a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XII (1940a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XIII (1941a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XIV (1942a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XV (1943a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- Kultúra XVI (1944a): Trnava: Spolok sv. Vojtecha.
- KUSÁ, M. (1998): Hĺbka a šírka záberu (1918–1938). In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996*. Lesňáková, S. (ed.). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, s. 41–65.
- Losskij, N. O. (2009): *Dostojevskij a jeho kresťanský svetonázor*. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov.
- Nové slovo I (1939): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- Nové slovo II (1940): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- Obroda I (1943–1944): Ružomberok: Lev.
- PAŠTEKA, J. (2002): *Tvár a tvorba slovenskej katolíckej moderny*. Bratislava: Lúč.
- POGORIELOVÁ, B. (2004): *Pamäti emigrantky 1945–1955*. Bratislava: JIM 79.
- Postup I (1934): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- Postup II (1935): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- Prameň I (1936): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- Prameň II (1937): Trnava: Vydavateľstvo Fr. Urbánka.
- PUTNA, M. C. (1998): *Česká katolícka literatúra v evropském kontextu 1848–1918*. Praha: Torst.
- PUTNA, M. C. (2010): *Česká katolícka literatúra 1918–1945*. Praha: Torst.
- TESAŘOVÁ, J. (1998): Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1945). In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996*. Lesňáková, S. (ed.). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, s. 66–80.
- Verbum I (1946–1947): Košice: Verbum
- Verbum II (1947–1948): Košice: Verbum.
- Winczer, P. (1994): Dve ideológie, dva recepčné prístupy. Poľská literatúra v katolíckych a v ľavicovo orientovaných vydavateľstvách (1945–1949). In: *K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku II*. Bratislava: ÚSL SAV, Katarína Kenížová-Bednárová (ed.), s. 52–82.

ЕЛЕНА СЕЛИВЕРСТОВА

Россия, Санкт-Петербург

РЕСУРСЫ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРЕМИЙНЫХ ПОТЕНЦИЙ

ABSTRACT:**Using the Internet as Means of Realization of Transformation of Proverbs**

The article deals with dependence of the proverb transformations on its lexical-semantic structure. A few types of proverbs with their contextual realisations (including materials of the Internet) are examined.

KEY WORDS:

Proverb – transformation - lexico-semantic structure.

Различные структурно-семантические типы паремийных единиц (ПЕ) допускают и провоцируют, соответственно, разные типы преобразований. Этим объясняется, в частности, тиражируемость – с различного рода трансформациями – одних ПЕ и сравнительно «образцовое» использование других. Маловероятны, например, значительные контекстуальные отступления при использовании ПЕ *Деньги не пахнут*, *Насильно мил не будешь*, *Бедность не порок*, *Рыба гниет с головы*, *На чужой каравай рот не разевай*.¹ Другие, напротив, подвергаются сплошь и рядом типовым преобразованиям.

Денотативные подстановки, обнаруживаемые во многих ПЕ, часто прогнозируемы. Так, вполне объяснимо появление нестандартного компонента паремии *Своя рубашка ближе к телу*, если речь идет о футболе (*Своя футболка...*), о рекламе (*Свой бренд...*); ср.: приведенные Х. Вальтером и В. Мокиенко в «Антипословицах русского народа» версии «близости к телу» *своей аллергии*, *души*, *Масяни*, *Наташки*, *рекламы*. Дополняют общую картину данные Национального корпуса русского языка и ресурса Интернет (*Своя взрывчатка*, *...секретарша*, *...задница*; *Свои перчатки*; *Свое термобелье*; *Свой ренессанс оказался ближе к телу* и т.д.).

¹ Между тем, в большинстве работ, посвященных анализу трансформаций и «мутаций» пословиц, типы их изменений – контаминация, каламбурное обыгрывание, изменение лексического состава, (гипер) актуализация, надстройка, буквализация и др. – приводятся в систему, как правило, вне зависимости от своеобразия единицы [Мелерович, Мокиенко 1997; Назаров 2005, Жигарина 2006 и т.д.].

Эти подстановки не изменяют общей семантики «Свое важнее (предпочтительнее, большее и т.д.)», конкретизируя смысл применительно к ситуации.

С большой долей вероятности прогнозируются преобразования ПЕ, отмеченных высшей степенью обобщенности. Очевидным сигналом участия этого фактора в судьбе паремии на поверхностном уровне является присутствие компонентов *каждый, всякий* в ее составе или фрагментов смысла ‘всякий’, ‘никто’, ‘все’, ‘любой’, ‘всегда’ и т.п. – в ее толковании, а также наличие обобщенно-личной формы глагола в составе выражения [Баранов, Добровольский 2008: 69]. Ср. приведенные В. И. Далем ПЕ с обобщенной семантической схемой «Всяк свое хвалит»: *Всякий купец свой товар хвалит* и – с иной образной «начинкой»: *лиса свой хвост; цыган свою кобылу; кулик (лягушка) свое болото; птица свое гнездо* и т.д. Ср. окказиональное, но вполне паремиологичное **Всяк голова свое хозяйство хвалит** (о кандидате в президенты Татарстана); «Вовремя:ру»; <http://www.vo-vremya.ru/section/society/policy/>. Допустимы и прогнозируемы такие версии, как *Собака свою кость хвалит; кошка – свои усы, строитель – свой газопровод, кандидат – свою программу* и проч.

«Любой человек может оплошать» (в том числе весьма опытный, привычный к чему-л.) – вот суть ПЕ *И на старуху бывает проруха*, демонстрирующей широчайшее поле применения. ПЕ используется в привычном виде – с компонентом *старуха*, удерживаемом рифмой (ср.: *И «на старуху бывает проруха» – и как бы осторожно любой из нас ни ездил, нарушения все-таки имеют место быть*. АиФ-Москва. №4. 2000), но весьма часто «расшифровывается», кто именно допускает оплошность: *И на старуху бывает проруха* (заг.). **Клебанов** из вице-премьеров попал в полпреды, что многие могут воспринять как понижение в должности амбициозного политика. АиФ-Петербург. №45. 2003. Несомненна возможность подстановки наименований и иных «старух», например: *И на Нарухито бывает проруха* – Комс. правда (КП). 05.03.97; *На Шумахера бывает проруха* – Труд-7. 29.11.2005; *И на дубленку бывает проруха* – ее неудачно почистили – КП. 08.01.2003; *И на компьютер бывает проруха* (заг.) – КП. 16.03.2002.

Весьма часты тематические подстановки в ПЕ, имеющих в своем составе пару **Кто..., тот...** и **Тот, кто...** Это паремии со структурой сложноподчиненного предложения с придаточным описательной характеристики предмета (события, места), на которые указывает местоимение в главном предложении [Шелякин 2002: 310]. Как известно, победившим в споре, поединке считается смеющийся последним, например: **Сенат** мог быть десятилетиями глух и нем, – но если бы дело зашло о выгодах слоя и группы, **он** сумел бы показать царю, **кто** в стране **смеется последним**. А.Архангельский. Александр I. Не случайно регулярны контекстуальные подстановки вместо мифического *кто* имен конкретных лиц – «несговорчивого мэра» Лужкова, «который, как показывает жизнь, **смеется последним**». Деловые люди. №2. 1994; руководителя всемирного футбольного союза Блаттера (заг.: **Блаттер смеется последним**; <http://www.sovsekretno-ru>); министра образования Фурсенко (заг.: **Фурсенко смеется последним**. Страна. 24.05.2011; <http://www.newsinfo.ru>); сценариста оscarоносного «Черного лебедя» (заг.: **Марк Хейман сме-**

ется последним... - <http://www.rulezfilm.ru/bolshoe-kino>); Билла Кляйна – шеф-повара лучшего на планете ресторана (*Гельфонд тацит, Кляйн смеется последним* (заг.) <...> Гельфонд запомнился быстрым стартом, а Кляйн последним смешком; <http://mirpokera.com//categorie/bigpoker/blogs>). И даже биологическое явление – не человек – может оставить за собой последнее слово: *Можно извлечь некоторое утешение, если не надежду, из того факта, что генетический код пусть и не смеется последним, но оставляет за собой последнее слово. Ибо я благодарен матери и отцу не только за то, что они дали мне жизнь, но также и за то, что им не удалось воспитать свое дитя рабом.* Независимая газета. 11.02.2003.

Оплаченную деньгами возможность «заказывать музыку» обретают в конкретных текстах различные люди – **те, кто платит**: это солидные **дяди** в пиджаках со многими карманами, в каждом из которых пачка с немереными деньгами, <...> **которые оплачивают музыку в нынешнем казино** (Неделя. №25. 1993), это компания «Лукойл», купившая пакет акций газеты, – ...значит, **она заказывает музыку**. <...> Пока, слава Богу, «Лукойл» еще **не заказывает музыку в «Известиях»**. Зато мы имеем теперь четкие представления о том **«репертуаре»**, который газете «светит», если лукойловские нефтяники «Известия» дождут (Известия. 15.5.1997); это «империалисты всех мастей», **заставляющие нас плясать под музыку, которую они заказывают. Они заказывают. Мы играем свое.** Кстати, вообще **без нот** (АиФ. №45. 1998); это антигорбачевские силы: *Я уже могу твердо добавить: главным исполнителем музыки, заказанной антигорбачевскими силами, а возможно, и ее композитором является КГБ СССР, и сейчас наконец-то в моем распоряжении есть факты* (Лит. газ. 10.7.1991). Подобные примеры особенно ярко показывают, как привычные ПЕ приближаются к новым условиям, к современной жизни.

В пословице-перевертыше *Что немцу здорово, то русскому смерть* – «Что приемлемо для одного, то невозможно (недопустимо, вредно) для другого» – на компоненты *русский* и *немец* приходятся контрарные семантические фрагменты ‘один’ и ‘другой’, что существенно облегчает возможности контекстуальной конкретизации: **Что для мексиканцев хорошо, то для отечественного чиновника плохо** (подзаг.) *В новорусские времена вопрос, <...> на чьих машинах ездить, российских или зарубежных, не возникал. <...> К примеру, в мэрии Москвы на мой первоапрельский вопрос, не намерен ли Лужков пересадить своих ближайших подчиненных на «Москвичи», ответили совершенно серьезно: «Вы с ума сошли!»* Огонек. №15.1998.

В конкретизирующем контексте нередки и параллельные – нормативная и смоделированная – паремии: **Что немцу здорово, то русскому – смерть. Что глупому подростку – смерть, то гению – что? Да тоже ничего хорошего. Читать Бодлера интереснее, чем Готье: его «отношения» с наркотиками были гораздо серьезнее.** Итоги. №3.1998.

Возможна конкретизация и семантических фрагментов ‘хорошо’ и ‘плохо’: **Что российскому чиновнику – подарок, то американцу – взят-**

ка (заг.) *Нарушение этих статей карается лишением свободы сроком до 5 лет и серьезными штрафами.* Лит. газ. №34. 2001. **Что немцу хорошо, то русскому распад страны** (подзаг.) *Еще в 1918 году, до создания СССР, выдающиеся умы страны <...>предупреждали, что <...> стремление создать русское национальное государство по образцу Германии или Польши погубит Россию.* АиФ. № 28. 2010.

Особо следует остановиться на выражениях, относимых нередко к ПЕ, но А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским квалифицируемых как «речевые формулы», которые лишены дидактичности – одного из обязательных маркеров ПЕ, не содержат в своей семантической структуре квантора всеобщности и обнаруживают явную дискурсивную зависимость [Баранов, Добровольский 2001: 81–82]. Примером такой единицы является выражение *На ловца и зверь бежит*, обретающее дискурсивную востребованность в ситуациях, когда подчеркивается сиюминутная нужность, актуальность чего-либо, вовремя обнаруженного, встреченного ловцом, т.е. каким-либо субъектом действия. Последний нередко представлен формально именно в форме *ловец*: **На ловца и уклонист бежит** (заг.) – о розыске уклоняющихся от призыва. Агентство новостей Подмосковья. 28.06.2011; <http://www.mosoblpress.ru/38/32575/>; **На ловца и баг бежит** (заг.) *Открывший новую дыру в браузере известный болгарский баголов Г. Гунинский сообщает: дыра позволяет получить из Интернета содержание файлов пользователя.* Компьютерра. 16.03.1999; <http://www.ist.ugtu.net/Computerra/>; **На ловца и «Тигр» бежит** – о раскрекчивании русским «ловцом»-разведчиком танков «Тигр», состоявших на вооружении Германии. Фонд истор. перспективы; http://www.stoletie.ru/fip/na_lovca_i_tigr_bezhit.htm. Сам способ семантизации этой устойчивой единицы свидетельствует о возможности различных подстановок. Ср. толкование, приведенное В. П. Жуковым – «Заинтересованному в чем-л. человеку удачно попадается тот, кого он хотел найти, или то, что ему нужно» [Жуков 2000: 185], – что, в сущности, приравнивается к фразе «Именно это я (ты, он, Сидоров) хотел найти». Вряд ли это выражение можно назвать классической поговоркой.

Итак, как «механизмы трансформаций объяснимы и исчислимы» [Федорова 2007: 3], так и тенденция к использованию ПЕ в преобразованном виде подчиняется определенным языковым законам.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРАНОВ, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О. (2006): Речевые формулы в Тезаурусе русской идиоматики. In: *Frazeografia slowiańska*. Red. naukowa M. Balowski i W. Chlebda. Opole. 2001. С. 79–92.
- ЖИГАРИНА, Е. Е. (2006): *Современное бытование поговорок: вариативность и полифункциональность текстов*: АКД. М. [сайт] «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика»; <http://www.ruthenia.ru/folklore/>
- ЖУКОВ, В. П. (2000): *Словарь русских поговорок и поговорок*. 7-е изд., стереотип. М. 544 с.
- МЕЛЕРОВИЧ, А. М., МОКИЕНКО, В. М. (1997): *Фразеологизмы русской речи. Словарь*. М. 1997.
- НАЗАРОВ, Н. В. (2005): *Синтагматика поговорочно-поговорочных выражений*: АКД. М. 2005// [сайт] «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика»; <http://www.ruthenia.ru/analystxt>
- ФЕДОРОВА, Н. Н. (2007): *Современные трансформации русских поговорок*: АКД. Великий Новгород.
- ШЕЛЯКИН, М. А. (2000): *Справочник по русской грамматике*. – 2-е изд., испр. М. 355 с.

НАТАЛИЯ СЕМЕНЕНКО

Россия, Старый Оскол

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ПОСЛОВИЦ И ЛИНГВО-СЕМИЗИС ПАРЕМИЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

ABSTRACT:**The Inner Form of Proverbs and the Linguosemiosis in the Discourse of Internet Texts**

The inner form of proverbs is characterised by singling out its intermediary function in linguosemiosis of the parables. Textual status of a proverb is noted and the conditionality of its semiotic character is specified by the principal cognitive-pragmatic function – the forming of the traditional world outlook. The signified of the proverb – a typical situation – is subjected to the stereotyping with the assistance of the inner form as a fundamental synergetic indication.

KEY WORDS:

Linguosemiosis – parable – proverb – inner form – sign interpretant.

Изучение феномена внутренней формы (ВФ) паремий характеризуется широким спектром смежных проблем, в том числе, касающихся дискурсивного смыслообразования и стереотипизации значения народных афоризмов. Действительно, выявление особенностей ВФ пословицы позволяет осознать сущность её мотивировочного потенциала для данных фольклорно-афористических единиц. Проблема описания ВФ пословиц осложняется неоднозначностью в решении вопроса о знаковом статусе паремий, который находится в зависимости от определения принципиальной позиции признания за паремиями статуса текстом – синкретичных знаков, совмещающих признаки знаков языка и речи. Потому одним из центральных вопросов в определении категориального статуса ВФ пословиц и лежит проблема их лингвосемиозиса.

В современной семиотике утвердилась мысль о том, что процесс возникновения знака начинается со взаимодействия познающего субъекта с предметом познания, поскольку значение последнего определяется его местом и значимостью в человеческой деятельности. В результате, в языковом знаке закрепля-

ется взаимодействие объекта и субъекта, а процесс декодирования означаемого осуществляется в направлении противоположном лингвосемиозису: от знака – к означаемому [Алефиренко 2009: 86]. При этом роль своеобразного «посредника» выполняет ВФ. Применительно к слову ВФ трактуется как признак, положенный в основу номинации и отражающий первоначальное понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета. Внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим его значением и является «отношением содержания мысли к сознанию», то есть представлением, сущность которого заключается в том, что оно объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание. По сути дела, ВФ выступает в качестве способа передачи значения посредством мотивационного признака производного слова, который актуализируется или его морфемной структурой, или ассоциативно-смысловыми связями производного значения с исходным. Для паремий как фольклорно-речевых образований ВФ выступает в качестве механизма соотнесения афористического значения с означаемой когнитивно-денотативной ситуацией.

Поскольку семиотическая природа пословицы обусловлена её когнитивно-прагматической функцией – формированием обыденного плана мировоззрения, в качестве означаемого для данного паремического жанра выступает типичная ситуация – фрагмент когнитивно-денотативного пространства национальной культуры, подлежащий стереотипизации.

Например: типичная ситуация с обобщённым смыслом: 'К тем, кто ждёт и терпит, приходит удача/счастье' означает пословицами *После дождика даст бог солнышко, Дал бог денёчек, даст и кусочек, Не плачься, бог лучше полюбит, Бей сороку и ворону, добьёшься и до белого лебедя, Терпя, в люди выйдут, Не тужи о ржи: только мешок держи, Поживи в рабах, авось, будешь и в господах* и т.д. Приведённые текстемы обретают собственно текстовую сущность под воздействием коммуникативной (обусловленной интерпретацией значения носителем языка) или дискурсивной (обусловленной дискурсивной интенцией) составляющей паремического смысла. Например, на православном форуме «Азбука веры» приводится следующий диалог: - *с мужем прожили венчанным браком 11 лет, но Господь детей не дал. За это время было много больниц, врачей, анализов, ожиданий, молитв... И вот я узнаю, что некая молодая девушка рождает моему мужу ребенка и, естественно, он как 'порядочный' человек уходит к ним. Я знаю, что нельзя задавать вопросы: "Господи, почему так?" И все же...*

- *Грустно говорить вам такое - но это ваш путь ко спасению. У каждого он свой. Смиритесь. Это тяжёлое испытание, но оно только подтверждает, что Господь с вами. Доверьтесь Ему, и... после дождика пойдёт Бог солнышко [azbyka.ru].* Дискурс влияет на выражаемый пословицей смысл не только на уровне интенции – в данном случае посредством актуализации сакрального компонента значения паремии - типичная ситуация, жизненная трагедия женщины, лишённой счастья материнства, осмысливается с позиции православной морали: 'терпи всё, что Бог посылает, так как это часть его

замысла по спасению твоей души'. В данном случае актуальным видится тот аспект ВФ высказывания, который связан с образом *Бога* – властителя человеческой судьбы.

Таким образом, для выяснения мотивировочного потенциала ВФ пословиц важны и стилистика, и общая интенция дискурса, и коммуникативно-стилистическое назначение пословицы в тексте, и, собственно, образный потенциал ВФ. Как отмечает В. М. Мокиенко, образность и безобразность пословиц – это не повод для попыток их разделения или сомнения в статусе безобразных пословиц. И те, и другие афористичны, ритмичны и характеризуются смысловой ёмкостью [Мокиенко 2010: 5]. Действительно, образная основа пословицы, часто упоминаемая в связи с дискуссией о разграничении пословиц и афоризмов, пословиц и поговорок, пословиц и неафористических высказываний, может быть как буквальной, так и переосмысленной. Буквальная ВФ в нашем понимании – это тот образ прототипической ситуации, который развился при её моральной оценке и потому «не отходит» далеко от прямого, денотативно обусловленного образа. Соответственно, образ, заложенный в буквальной ВФ, не нуждается в дополнительном переосмыслении, поскольку и без того легко стереотипизируется. Например: *На войне рать сильна воеводою, Кто Бога боится, тот и людей стыдится, Кто законы пишет, тот их и ломает, с достатком и смелость приходит, Людей не суди – на себя погляди.*

Следует отметить, что буквальная ВФ способствует включению пословицы в тематические дискурсы, причина чего видится в семантической полноте и достаточной денотативной референциальности лексических компонентов подобных пословиц. Например, уже упомянутая пословица *На войне рать сильна воеводою* нередко используется в рассуждениях военно-патриотического толка. Так, в студенческом эссе приводятся следующие рассуждения: *Выбор профессии относится к одному из самых важных жизненных решений. Мы определяем для себя не только основное занятие, но и круг общения; стиль жизни, а иногда и судьбу. Я хочу стать офицером. с детства любил смотреть парады военных, читал книги и смотрел фильмы о войне. <...> И еще тогда, в детстве, появилось убеждение: быть мне военным! Вся история человеческой цивилизации есть история войн, междоусобиц, вооруженных конфликтов. Поэтому испокон веков состоянию и оснащённости армии уделялось огромное внимание. «Рать сильна воеводою...». Издревле так говаривали на Руси. И в самом деле, если вспомнить военную историю нашей Родины и то, сколько славных побед одержали наши воины в боях с многочисленными врагами! И в каждой из них заложен был командирский, полководческий талант руководителя боя или сражения. Ни героизм, ни мужество, ни военное мастерство рядовых ратников или солдат не спасали от поражения, если командовал ими плохой полководец. И сейчас в нашей стране есть особая нужда в толковых, грамотных офицерах; тех, кто сумеет помочь своей стране. Это одна из причин, почему я хочу стать военным* [kalachnadonu.ru/2009/01/rat-silna-voevodoyu].

Находим прецедентное упоминание пословицы и в программных положениях статьи подполковника Николая Козакова, опубликованной в № 6 журнала «На боевом посту» за 2009 год: *Можно долго философствовать о роли личности в истории, отстаивая одну из двух диаметрально противоположных позиций, и всё же пристрастный взгляд на развитие человечества в целом и на военное искусство, в частности, показывает, что недооценивать личность, особенно в ратном деле, никак нельзя. Пословицы и поговорки, концентрирующие в себе вековую народную мудрость, - далеко не лишнее тому подтверждение: «Артель атаманом крепка», «Каков командир - таково и войско» и, наконец, «Сильна рать воеводю».*

Вне сомнения, пословица, обладая выраженной сюжетной основой, имеет сложную когнитивную основу, в которой выражен фрейм в его интеграционной связи с другими когнитивными единицами. Так пословица *Не пойман – не вор* образована по модели взаимодействия фрейма «Наказание за преступление» с концептами «Справедливость», «Правда/Ложь» и «Прощение». Каждая из указанных когнитивных единиц может актуализироваться в соответствии с тем, как ВФ пословицы будет мотивировать ее значение в условиях конкретного контекста. Поликонцептуальность данной пословицы обусловлена рядом факторов, в том числе, бессоюзной структурой пословицы, по сути являющейся следствием сокращения союзных элементов, характеризующих причинно-следственную связь денотатов (*если..., то...*) или связь изъяснительную (*кто..., тот...*), - сокращение союзных средств и использование отрицания придает высказыванию сходство с формулой отрицательного определения, что допускает определенную вариативность в прочтении возможных прагматических смыслов: 'Воровать можно, если не попадаться' или 'Не воруй – не попадешься', или 'Не суди, не имея доказательств (*да не судим будешь*)'. Кроме того, ВФ пословицы мотивирует ее значение в соответствии со стереотипным представлением о характере исходной ситуации, а это представление, в свою очередь, утверждается благодаря пословице в статусе социальной закономерности.

В силу высокого мотивировочного потенциала ВФ приведенная пословица может допускать при определенной дискурсивной интенции дополнительное приращение смысла – своеобразное логическое следствие или продолжение к высказыванию. Например, на сайте газеты «АиФ» приводится следующий рассказ: *В наших садах очень часто грабят садовые домики. В очередной раз, уезжая в город, я оставил для воршиек записку: «Уважаемые воры, у меня ничего нет!». Когда в следующий раз я приехал в сады, то обнаружил записку: «И, правда, хозяин, ничего нет. Но мы тебе все принесли». В моем домике были свалены вещи, который воршики принесли с других участков. Я потом устал объяснять соседям, что их вещи делают у меня...* [http://dv.aif.ru/issues/395/01_02 № 31 (395)]. Из контекста следует вывод: 'Не пойман – не вор, а пойман – вор', то есть, основным критерием вины является не собственно виновность, а формальное доказательство. Дискурсивная интенция, таким образом, выступает в качестве внешнего мотивировочного фактора, который

во взаимодействии с ВФ порождает собственно прагматический смысл, актуальный для ряда ситуаций, соотносимых с описанной.

Таким образом, современный Интернет-дискурс в силу своего тематико-стилистического разнообразия позволяет оценить знаковую функцию ВФ пословиц с учётом всех нюансов данной семантической категории паремической тексты. Высочайший потенциал паремической ВФ позволяет пословицам успешно функционировать в Интернет-дискурсе, не теряя своей актуальности и информативности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2009): *«Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии*. М.
МОКИЕНКО, В. М. (2010): *Предисловие*. In: *Большой словарь русских пословиц* / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М.

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

Польша, Ополе

ФРАЗЕОЛОГ И ИНТЕРНЕТ (К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

ABSTRACT:

The Phraseologist and the Internet (Theory and Practice of Reciprocal Relationship)

Twenty years ago Poland was included into the global Internet network, the author describes the Internet as a particular kind of broad context, as well as a research instrument. The author assesses the Internet from the phraseologist's point of view, treating the Cyberspace as a matrix environment of phraseological units of all varieties of language and speech types, with search engines as instruments for highlighting and versatile verification of the units' status. While appreciating the Internet's countless number of advantages, the author also warns against uncritical acceptance of its data for research purposes, and proposes a demand for a manual of using the Web as an open corpus.

KEY WORDS:

Phraseological researches – corpora – Internet – foreign language teaching.

В этом году исполняется ровно 20 лет с момента, когда в польском коммуникативном пространстве появилась новая коммуникативная технология – Интернет. Юбилей Интернета – подходящий случай для того, чтобы в самых общих чертах определить – также с фразеологической точки зрения – суть Интернета, отдать себе отчет в достоинствах этой технологии, но и предостеречь исследователей перед слишком доверчивым и бескритичным отношением к ней. За недостатком места я обращаю внимание только на два аспекта Интернета: Интернет как текст и как инструмент.

I. Интернет как текст.

Для фразеологических единиц (ФЕ) естественная стихия обитания – тексты наших высказываний. Поэтому фразеолог должен отдавать себе отчет в том, что Интернет – это гигантский макротекст, сотканный из растущего изо дня в день количества не только отдельных текстов, но и жанров, регистров, идиостилей, причем этот макротекст – как хранилище миллионов, по всей вероятности, фразеологизмов, так и место рождения новых ФЕ. Безграничность Интернета может вызывать чувство некоторой беспомощности, поэтому

фразеолог-интернетист, особенно начинающий, нуждается в каких-то рамках, упорядочивающих это беспредельное пространство. Рамкой, вводящей самые общие категории, может служить понимание Интернета как множества корпусов трех видов: 1. **закрытые корпусы**, или корпусы текстов в собственном смысле слова, т.е. состоящие из конечного и сбалансированного под каким-то углом зрения (представительного) количества текстов; 2. **полуоткрытые корпусы**, или оппортунистические коллекции текстов, составляющих содержание только избранных (хотя и многочисленных) сайтов Интернета, к которым применяется определенная поисковая система; 3. **открытые корпусы**, т.е. общее пространство текстов Интернета, ограниченное лишь возможностями таких поисковых систем, как Гугль или Яндекс. [Wawrzyńczyk 2006; Lewandowska-Tomaszczyk, ed., 2005]

Каждый из названных трех видов интернетовских корпусов (и их многочисленных разновидностей) отличается не только по своему объему, но и, прежде всего по типу организованности, т.е. по степени вмешательства создателей данного корпуса в естественную стихию дискурса, что сказывается на достоверности ответа на вопрос, каков в самом деле языковой статус исследуемой ФЕ. Поэтому фразеолог, обращаясь за помощью к Интернету, должен каждый раз соотносить частотность и функции данной ФЕ с данным видом интернетовского собрания текстов – именно с тем, из которого он почерпнул эту ФЕ.

Более конкретной рамкой, упорядочивающей пространство Интернета как поле наблюдений и источник извлечения ФЕ, может быть классификация видов интернетовских сред, в которых обитают ФЕ. Эта классификация образует шкалу, один полюс которой составляют системные множества, противоположный же – тексты и их серии (политексты). Под **системными множествами** я понимаю предлагаемые он-лайн готовые каталоги, списки, перечни, прейскуранты и т.п., состоящие, по сути дела, из уже выделенных из текстов единиц языка – как однолексемных, так и сверхлексемных; сюда относятся также помещенные в Интернете словари он-лайн. На втором полюсе – **тексты: автономные** (т.е. тексты, каждый из которых представляет собой отдельное целое, художественное или прикладное) и **неавтономные**, т.е. тексты, входящие на разных правах в состав образований более высокого порядка. Среди них следует выделить: 1. готовые корпусы в собственном смысле слова (одноязычные и параллельные), 2. слагаемые, или кумулятивные, тексты (блоги и другие жанры интерактивных текстов), а также 3. специальные образования, которые в Польше получили название «политекстов»: «двутексты» (или «битексты») и «переводческие серии». Двутекст – это подлинник какого-то произведения и его перевод, взятые вместе как одно целое. Переводческая серия – тот же подлинник и по меньшей мере (серия из принципа открыта) два его перевода, тоже взятые вместе как одно целое. Двутексты и серии все еще редко функционируют в Интернете как данное, но их, как своеобразные микрокорпусы, легко составить самому для отдельного исследования благодаря наличию в Интернете все большего количества текстов на разных языках. Данную классификацию модно представить на следующей схеме:

ИС

(интернетовские среды)

системные		текстовые	
каталоги	словари	автономные	неавтономные
	тексты	тексты	

одноязычные многоязычные корпуса слагаемые тексты двутексты переводческие серии
 одноязычные параллельные

Извлекая из интернетовского источника какой-то фразеологизм и характеризуя его, фразеолог, подчеркнем еще раз, должен явно и четко релятивизировать его к той и только к той среде, в которой он был найден. Существует некоторая психологическая закономерность, согласно которой показания корпусов, особенно больших и представительных, мы обычно считаем отражением фактического статус-кво в языке, образом языковой действительности «в себе»; отсюда склонность к невольным обобщениям типа «в русском языке последних лет», «происходящие в чешском языке процессы» и т.п. Тем временем язык как таковой нашему познанию не доступен: он дан исследователю лишь в тех или иных, больших или меньших, всегда кем-то заготовленных образцах, каждый из которых – всего лишь приближение к языковой действительности, одно из бесконечной серии таких приближений, но не самое эта действительность; эту опосредованность я назвал в свое время «лингвистическим принципом неопределенности». [Хлебда 2005] Нельзя забывать и о других ограничениях: тематическое и жанровое разнообразие интернетовских сред отражает интересы пользователей Интернета, а не реальную дискурсивную действительность в целом; результаты анализа текстовых множеств в Интернете зависят не только от количества, качества и пропорции текстов, заложенных в данное множество, но и от типа и параметров («настройки») данной поисковой системы, а также от умения составлять запросы к поисковой системе и умения читать возвращенные результаты; в зависимости от системы аннотирования единиц корпуса статус одной и той же единицы в разных образцах может поразительно отличаться, а поисковые системы способны продюцировать артефакты, имеющие немного общего с занесенными в корпус текстами и т.д. Поэтому строить обобщения на основании только одного образца, считая его репрезентантом всего языка – даже если это большой представительный корпус – с научной точки зрения дело крайне рискованное.

2. Интернет как инструмент.

Все большее число фразеологов пользуется Интернетом как орудием своего труда. Функции этого орудия прямо вытекают из природы Интернета как макротекста. Так, Интернет служит фразеологу чаще всего как: 1. инструмент поиска и извлечения ФЕ из больших текстовых массивов; 2. инструмент верификации предполагаемых границ, объема и лексического содержания многолексемных единиц языка (в том числе и благодаря возможности быстрой конфронтации свежеизвлеченных единиц с уже существующими базами данных, напр., словарями он-лайн, а также справочными порталами, напр., Грамота.

ру); 3. инструмент, помогающий определить радиус вариантности компонентов устойчивых словосочетаний; 4. инструмент, позволяющий установить количественные характеристики (частотность) ФЕ и их вариантов в избранных корпусах и субкорпусах; 5. инструмент, облегчающий определение семантического и прагматического статуса ФЕ благодаря быстрому доступу к большим по размерам базам контекстов их употребления; 6. инструмент многосторонней (исторической, фактографической, иконографической и т.п.) верификации знаний о денотатах ФЕ; 7. инструмент поиска, установления и верификации переводных эквивалентов ФЕ.

Содержание этих семи пунктов и так реализуется фразеологами – в той или иной форме, в том или ином объеме. То, что принес Интернет, сводится к трем основным факторам; это концентрация в одном месте огромной массы текстового материала как постоянно обновляющейся базы данных, быстрота и легкость доступа к этой базе, а также быстрота и легкость упорядочивания полученных данных (напр., по алфавиту, по частотности, по хронологии и т.п.).

Эта быстрота и легкость может, однако, так же быстро и легко переходить в свою противоположность, если неопытный исследователь захлебнется от обилия возможностей Интернета. Интернет – не панацея от всех наших лингвистических болячек, а всего лишь вспомогательное средство, требующее весьма конкретных знаний и умений обходиться с этим инструментом, ориентации в структуре и параметрах данного корпуса, умения составить запрос к поисковой машине, умения читать полученные данные и адекватно их интерпретировать. Но в то время, как по работе с закрытыми корпусами была написана целая библиотека работ (и возникла корпусная лингвистика, специальная отрасль языкознания), практических пособий по работе с полуоткрытыми и открытыми корпусами не существует. В то время, когда в большинстве польских (да и российских) вузов отсутствуют даже вводные курсы корпусной лингвистики (см. [Grabowski 2007]), назрела потребность делиться друг с другом полученным опытом и в интересах хотя бы наших студентов составить справочник по Интернету как помощнику исследователя-фразеолога. Нам нужна, между прочим, подсказка специалистов, есть ли такое количество первых отсылок к сайтам в открытых корпусах, которое можно считать статистически достоверным для обобщений по фактической частотности ФЕ в речи (так как анализ всех отсылок при сотнях тысяч, даже миллионах результатов практически невозможен); мы нуждаемся в умении проводить семантическую дифференциацию результатов, умении оценивать причины появления нулевых результатов («Искомая комбинация слов нигде не встречается») и т.д., и т.п.; любой опытный корпусный лингвист назовет сотни таких уязвимых корпусных мест. Имея это в виду, сотрудники Института восточнославянской филологии Опольского университета предприняли попытку создать пособие по правилам и методам интерпретации корпусных данных. Этот сборник под рабочим названием *По следам корпусов. В поисках оптимальных текстовых множеств* будет издан в Ополе в 2013 году.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

GRABOWSKI, Ł. (2007): The National Russian Corpus as a teaching tool – general observations and case studies from the perspective of Russian language teaching in Poland. In: *Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования*. М., с. 52–59.

LEWANDOWSKA-TOMASZCZYK, B., ed. (2005): *Podstawy językoznawstwa korpusowego*. Łódź.

WAWRZYŃCZYK, A. (2006): *Korpusy językowe. Tekstowe zasoby Internetu jako korpus*. Wprowadzenie, Warszawa.

ХЛЕБДА, В. (2005): Фразеологические исследования и лингвистический принцип неопределенности. In: *Грани слова. Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*. М., с. 152–165.

МАРИЯ ЧИРИКОВА

Чешская Республика, Прага

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ МИНИМАЛЬНЫХ ПРАГМАТИКО-КОММУНИКА- ТИВНЫХ ЕДИНИЦ НА ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

ABSTRACT:

Elementary Understanding of Minimal Pragmatic Communicative Units of Translated Texts

The aim is to observe minimal pragmatic communicative units and to adequately determine their function in translated texts. Adequate translation of these units requires understanding their structure and function in the source language.

KEY WORDS:

Communication – pragmatic – pragmatic-communication units – function of units – structure of units – translated text.

Целью нашей статьи является изучение минимальных прагматико-коммуникативных единиц с точки зрения их семантики и адекватного выявления их функционирования на языке перевода.

Для адекватного перевода речевых единиц данного типа необходимо понять не только их структуру, но и функциональную семантику в определенном ситуационном контексте. Речь идет о решении проблем выражения отношений между высказыванием, говорящим и контекстом (ситуацией) адекватными речевыми средствами на языке перевода. Ввиду того, что они действуют по особым правилам, которые отражают прежде всего внелингвистические факторы, возникает вопрос, действуют ли они по определенной структуре, можно ли вообще выявить систематичность их функционирования.

Для прагматического понимания языкового средства необходимо учитывать коммуникативную ситуацию, в которой данное средство употребляется. Исходя из прагматической теории Т. ван Дейка, в качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативного взаимодействия выступает когнитивная теория употребления языка, которая обеспечивает понимание,

запоминание и т.п. и стремится к пояснению связей между системами в процессе коммуникации [Т.А. van Дейк 1989: 12].

Нас интересует обработка тех минимальных языковых средств, которые могут выполнять функцию идентификаторов на уровне устного и письменного перевода. Проблема состоит в том, каким образом закрепить природу данных средств на основе определенного прагматического контекста.

В центре внимания находится взаимодействие языковых единиц, которые составляют дополнительную информацию – семантико-синтаксические конструкции, доминантой которых становятся частицы, междометия, наречия и местоименные слова. Синтаксическая членимость оборотов с данными единицами настолько неоднородна, что очень сложно определить систематичность их функционирования.

Для наших коммуникативных целей необходимо указать на структуру и интерпретацию тех коммуникативных единиц, которые мотивируются прежде всего внелингвистическим контекстом и паралингвистическими средствами. Их сохранение на языке перевода влияет на сохранение дополнительного содержания информации и обуславливает достижение максимальной степени адекватности высказывания. Вопрос систематизации минимальных прагматико-коммуникативных единиц в аспекте их понимания на языке перевода до сих пор в наших учебных пособиях по переводу не решен. Поэтому при устном переводе часто теряется динамичность речи и при письменном переводе дословности не избежать. Следовательно, на высшем уровне обучения нам предстоит научить студента пользоваться малейшими единицами данного типа осведомленно. Чтобы приблизиться к употреблению адекватных речевых средств, свойственных для определенного вида отношений на языке перевода, переводчик должен уметь проникнуть в коммуникативное намерение говорящего и в узус данного языка. Не зная ситуативных контекстуальных нюансов и оттенков, грамматическая форма, содержащая прагматическую информацию (экспрессивность, эмоциональность, модальность), часто пропускается, и переведенный текст не полностью соответствует замыслу говорящего и адресата.

Наряду с грамматической инвариантной формой необходимо, таким образом, учитывать ее прагматику и закрепить дополнительное значение, отражающее настроение, расположение или замысел говорящего в определенной ситуации. Употребляя грамматическую форму в данной ситуации, необходимо считаться также с типом предложения, порядком слов и интонацией. Таким образом, происходит актуализация семантического значения минимальных единиц в определенном ситуативном контексте.

Напр., частица *nu* в побудительном предложении, находящаяся в начале предложения, выражает призыв к действию – в чешском языке ей соответствует эквивалент *tak, tak tedy, tak už*. Srov.:

Nu, рассказывай. Tak povídej!

Nu, поезжайте, счастливо. Tak už jeďte. Šťastnou cestu!

Nu, пошли! Tak jdeme!

Если данная частица сочетается с другими служебными словами, возникает фразеологизированное устойчивое сочетание, выражающее в зависимости от контекста положительное или отрицательное отношение говорящего к высказыванию. На чешском языке им соответствуют совсем другие эквиваленты. Ср.:

Hu u neozhidanost'! To je ale překvapení!

Hu u pogoda! To je ale počasí!

Hu u друг! Не помог, когда нужно было. To je mi ale přítel. Nepomohl mně, když jsem potřeboval.

Основной задачей переводчика является определение лексической варируемости коммуникативных единиц и их членение в зависимости от функции актуализирующего контекста. Только комплексное изучение данных факторов способствует сохранению максимальной степени адекватности переведенного текста оригиналу.

Учитывая прагматическое значение формы, можно выделить отдельные типы ее функционирования в определенном ситуационном контексте.

Чтобы можно было произвести адекватную семантизацию данных оборотов в соответствии с культурным сознанием, переводчику необходимо знать основные прагматические правила. Надо иметь в виду инвариантное содержание языковой единицы исходного языка и постепенно переходить к ситуационному контексту, который способствует ее актуализации.

В процессе обучения необходимо уделять последовательное внимание прежде всего взаимозависимости различных языковых средств, и систематизировать и автоматизировать их переводные эквиваленты. Недостаточно заучивать определенные фразы, реплики наизусть, не зная их природу. При рассмотрении функционально-синтаксического взаимодействия смысла коммуникативной единицы и составляющих ее компонентов необходимо сочетать форму, (размещение в предложении) с ее значением.

Очень важное место в исследовании, таким образом, занимает взаимодействие языковых средств, их прагматический контекст и идентификация.

В данном случае можно говорить об основной схеме, которая для выражения специфического типа отношений, его формирования и закрепления на языке перевода исходит из частотности употребления малейших единиц в определенном ситуационном контексте.

Исходя из данных предпосылок, в настоящее время мы по данной проблематике издаем учебник «Русская грамматика в упражнениях», в котором кроме глагола - ядра высказывания, и его фона - контекстуального обоснования, т.е. именных компонентов, непосредственно от него зависящих, уделяем внимание именно малейшим прагматико-коммуникативным единицам на языке перевода.

Чтобы достичь максимальной степени адекватности речи на языке перевода, необходимо усвоить грамматические навыки не только на уровне системы языка, но и на уровне его структуры, т.е. включить в обучение также контексту-

альную обработку малейших прагматических единиц, употребление которых обеспечивает аутентичность вневлигвистической действительности на языке перевода. До сих пор нет в наших учебниках переводческих упражнений по формированию фона речи, которые систематически развивают и обогащают данный уровень речи, и таким образом не хватает соответствующих навыков на языке перевода. Адекватная речевая компетенция на языке перевода обусловлена не только пониманием, но и осознанным овладением данными средствами и умением применять прагматико-коммуникативные средства на языке перевода в зависимости от контекста и ситуации. Культурная речь связана также с употреблением средств, отражающих вневлигвистическую действительность. Поэтому в учебном пособии, стремясь распространить навыки на прагматику речи и ее грамматическое оформление, мы разработали комплекс коммуникативных стереотипизированных упражнений, посредством которых можно осознанно саутоматизировать определенные типы отношений на языке перевода. Мы исходим из речевых структур, которые чаще всего идентифицируют определенный вид отношения. Для скорейшего понимания переводимой информации и ее адекватной интерпретации на языке перевода мы строим схемы, которые для выражения данного типа отношения в речи стабильно употребляются. Ввиду того, что переводчик должен уметь проникнуть в коммуникативное намерение говорящего, его замысел, мы проделали работу по вневлигвистическим факторам, по интерпретации различного рода речевых ситуаций, и исходя из анализа лексического материала, стремимся к системному обобщению и созданию речевых норм поведения переводчика в определенном ситуационном контексте.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Дейк, Т. А. Ван (1989): *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, с.12.

Renée Grenarová: Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako-как v češtině a ruštině. Brno, Masarykova univerzita 2011, 246 s. ISBN 978-80-210-5379-3

Frazeologie představuje atraktivní lingvistickou oblast nejen pro odborníky, ale i pro běžné uživatele jazyka, kteří chtějí obohatit a zpestřit svoji slovní zásobu. Své opodstatněné místo má nepochybně také ve výuce cizích jazyků, neboť právě znalost frazémů cizího jazyka určuje míru jeho skutečného osvojení. Stále se zvyšující zájem o poznání a pochopení nejrůznějších frazeologických obrátů je pochopitelný, protože, jak i sama autorka píše, můžeme se s nimi setkat ve všech sférách lidské činnosti.

Monografie Renée Grenarové tak nabízí možnost seznámit se s jednou z mnoha kategorií frazémů (za frazém se v publikaci považuje ustálené slovní spojení, které se vyznačuje nerozložitelností významu, přitom je nositelem metaforičnosti, expresivnosti a obraznosti), a to s českými a ruskými ustálenými jednoduchými komparacemi s *antroponymy* a spojkou *jako-как*. Autorka analyzuje celkem 275 frazémů s antroponymy (128 českých a 147 ruských), klade si za cíl porovnat jejich sémantickou stránku v češtině a ruštině a popsat tyto komparace z hlediska jejich expresivnosti, původu a motivovanosti.

Zkoumaný jazykový materiál byl excerpován z 36 tištěných pramenů (českých a ruských frazeologických, výkladových, etymologických, synonymických a překladových slovníků, z encyklopedií a odborných publikací vydaných v letech 1955 až 2001) a rovněž z internetových databází národních korpusů češtiny a ruštiny.

Posuzovanou práci tvoří úvod, sedm kapitol, jež jsou dále členěny do podkapitol, následuje závěr, rozsáhlý přehled bibliografie (asi 260 položek), deset příloh a jmenový rejstřík. V prvních dvou kapitolách (*Frazeologie jako lingvistická disciplína, Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a se spojkou jako-как*) je uvedena stručná a obecná charakteristika frazeologie, idiomatiky a frazeodidaktiky. Dále je vymezen pojem komparace jako jedné z kategorií frazémů. Autorka si všímá formální i sémantické stránky jednoduchých ustálených komparací se spojkou *jako-как* a s *antroponymy*, zabývá se teoretickým výkladem o antroponymech a jejich klasifikaci. V závěru druhé kapitoly je nastíněn způsob třídění zkoumaných komparací do jednotlivých frazeosémantických polí.

V následujících pěti kapitolách je excerpovaný materiál rozdělen do pěti frazeosémantických polí, přičemž každá kapitola se věnuje vždy jednomu z nich.

Jedná se o frazeosémantická pole: *zevnějšek člověka; povahové vlastnosti člověka; rozumové schopnosti a způsobilost člověka; fyzické možnosti a stav, dovednosti a činnost člověka; majetkové a sociální poměry člověka*. Jednotlivá frazeosémantická pole jsou dále členěna do frazeosémantických skupin a podskupin.

Zde za velmi zdařilé a přehledné pokládáme uvádění tabulek u každé frazeosémantické skupiny, které obsahují shrnující seznam všech jednoduchých komparací vztahujících se k dané skupině frazémů. V tabulce jsou nejprve uváděna antroponyma v jednoduché komparaci s *jako-как*, která jsou přítomna v češtině i ruštině (*silný jako Herkules / сильный как Геркулес; chovat se jako Do Juan / вести себя как Дон-Жуан*), poté antroponyma v jednoduché komparaci s *jako-как*, jež se vyskytují jen v ruštině (*бýt jako любопытная Варвара / být zvědavý jako stará bába; свистеть как Троцкии / lhát jako když tiskne*) nebo jen v češtině (*být jako malej Jarda / как будто вчера на свет родился; běhat jako Zátopek / бегать как олень*). V případě, že v druhém jazyce není odpovídající komparace s antroponymem, nabízí autorka jiný frazém se stejným či podobným významem, popřípadě uvádí možný překlad.

Na zajímavosti a informační hodnotě dodávají publikaci rovněž poznámky vysvětlující původ či motiv užívání antroponyma v dané komparaci. U jednotlivých frazeologismů si autorka všímá také jejich stylové platnosti, míry expresivity (tj. zda je frazém hanlivý, žertovný, ironický apod.), někdy i jejich frekvence (pokud se frazém již příliš nepoužívá).

V závěru autorka upozorňuje na odlišnosti v užívání antroponym v českých a ruských komparacích a naznačuje obecné zákonitosti, vzájemné vztahy a tendence, jež mají podle jejího názoru buď objektivní charakter, anebo jsou dokladem existence určitých jazykových univerzálií.

Přílohy obsahují přehled indexů excerpované literatury, formální klasifikaci jednoduchých ustálených komparací se spojkou *jako-как* podle antroponym, přehledy komparací jednotlivých vymezených frazeosémantických polí dále členěných podle výskytu antroponym v obou porovnávaných jazycích, ukázkové seznamy ruských mužských a ženských rodných jmen, vystihujících frazeosémantickou podskupinu *hloupost* a přehled sémových zkratk spolu se zkratkami užívanými v textu monografie.

Práce Renée Grenarové je velmi přehledná a srozumitelná jednak díky četným tabulkám a sumarizujícím přílohám, jednak díky indexům, kterými jsou frazeologismy opatřeny a jež odkazují na zdroj excerpce uvedený v jedné z příloh, frazémy je tak možno dále dohledat. Podle našeho názoru může být recenzovaná publikace přínosná nejen lingvistům a pedagogům, ale může posloužit i jako cenná pomůcka pokročilejším studentům ruského jazyka.

Kateřina Neumannová, Česká republika, Olomouc

Дубровина, К. Н.: Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. Москва, изд. ФЛИНТА: Наука 2012. 264 с.

Biblické obraty jsou v literatuře i v hovorové řeči velmi rozšířené, avšak jejich původ uživatelům často není znám. Nazýváme je biblickými frazeologizmy nebo prostě „biblizmy“, jelikož jsou vzaty z textu Bible a rozšířily se do živé řeči. Jsou to výrazy (jednotlivá slova, sousloví, věty), v nichž jsou většinou koncentrovány filozofické, etické a didaktické principy lidského života. Vyznačují se expresivností, přeneseným významem (metafory, symboly, alegorie apod.).

V úvodu knihy autorka prozrazuje, jak se dostala ke studiu Bible a biblických frazeologizmů (*Моя дорога к храму*). V postgraduálním studiu bylo jejím tématem dílo španělského autora F. Garcia Lorcy, které vychází převážně z biblických námětů. Bez znalosti Bible proto nebylo možno jeho dílo studovat.

První část publikace obsahuje základní informace o Bibli, jejím vzniku, rozšíření, vydáních a překladech (téměř do 1.800 jazyků), o historii Bible v ruském prostředí (např. církevně slovanská Ostrožská bible, synodální ruské vydání z 19. století).

V knize je uvedeno velké množství ruských biblických frazeologizmů rozšířených v hovorové i písemné řeči dodnes. Každý biblizmus má rozsáhlý komentář. Je to nejprve odkaz na příslušný text Bible, často je uveden i biblický příběh související s daným obratem. Biblizmy jsou v současné řeči doplněny výkladem o jejich vzniku, vývoji a změnách, které postupem doby v jazyce probíhaly a odrážejí se v sémantice i struktuře biblizmu. Biblický, historický a jazykový komentář jsou podstatnou částí publikace. Poučné je i srovnání s obdobnými biblizmy v jiných jazycích.

V ruském jazyce se biblizmy zakořenily a rozšířily v daleko větší míře než v jiných evropských jazycích. Znalost Bible byla na Rusi od přijetí křesťanství na vysoké úrovni u vzdělaných i prostých lidí. Církevněslovanské obraty pronikaly záhy do formujícího se ruského literárního jazyka. Zákon Boží byl povinným předmětem ve všech druzích vzdělávání až do Říjnové revoluce: ... *русская интеллигенция была буквально „пропитана“ библеизмами*, uvádí autorka (s. 17).

Mnoho biblizmů zůstalo v ruském jazyce v církevněslovanské podobě dosud (*злоба дня, своя своих не познаша* aj.). Autorka o nich píše: *Большинство библейских фразеологизмов (БФ), по видимому, следует отнести к заимствованным. Однако поскольку они появились в русском языке достаточно давно, то успели хорошо адаптироваться в нем. Но есть и такие БФ, которые образовались уже в русском языке, хотя и на основе библейских образов и сюжетов* (s. 16–17).

Sovětská epocha znamenala určitý útlum v užívání biblizmů, některé byly hodnoceny jako archaizmy, některé se staly až nepochopitelnými. I když obratům z Bible se nevyhýbali ani oficiální představitelé moci. (Srov. bibliografii K.N. Dubroviny «Парадоксы советской эпохи: библейская фразеология на службе коммунистической идеологии».) Teprve od 80. let 20. století vzrostl opět zájem o biblická témata. Vědecké zkoumání Bible přineslo s sebou rozvoj biblické frazeologie jako specifické součásti oboru frazeologie.

Autorka klasifikuje biblizmy podle doby vzniku (s. 34–46). Rozděluje je na předbiblické, biblické a postbiblické. Jako předbiblické nazývá takové frazeologizmy, které sice v Bibli jsou, ale existovaly už před napsáním Bible, jako přísloví, pořekadla, aforizmy, např.: *корень зла* (kořen zla); *He poй другому яму...* (české Kdo jinému jámu kopá ...); *Врачу, исцели самого себя!* (Lékaři, vyleč se sám!) Biblické jsou např.: *Вы – соль земли* (Vy jste sůl země); *волк в овечьей шкуре* (vlk v beránčí kůži). Postbiblické nebo „nepravé“ biblizmy jsou obraty, které v Bibli mají přímý význam, ale užití v živém jazyce je již zpravidla metaforické, např.: *нести свой крест* (nést svůj kříž); *козел отпущения* (v češtině není ekvivalent, srovnatelný je obrat: „beránek, který na sebe vzal hříchy“).

U mnohých biblických obrátů se jejich přímý význam, uváděný v Bibli, v živé řeči nezměnil, např.: *Возлюби ближнего своего* (Miluj bližního svého); *He судите, да не судимы будете* (Nesudte a nebudete souzeni); *Ищите и обрящите* (Hleďte a naleznete). U jiných je zachován v ruském jazyce přenesený metaforický význam stejně jako v Bibli, např.: *Кто посеет ветер – пожнет бурю; соль земли* aj. Mnohdy přímému významu v Bibli odpovídají v řeči přenesené významy, např.: *лепта вдовицы* (vdovin halěř); *терновый венец* (trnová koruna) aj. Někdy se sémantika biblických obrátů v ruském jazyce rozšířila (*блудный сын, бесплодная смоковница*) nebo naopak zúžila (*дар Божий* – chléb). Množství ruských biblizmů tedy měnilo „cestou od biblického obrátu k ruskému jazyku“ svůj původní význam, syntaktickou i lexikální strukturu a samozřejmě využití v řeči (s. 78–108).

Zajímavou kapitolou jsou geografické názvy a komentáře k nim, např.: *земля обетованная* (zaslíbená země); *Содом и Гоморра* (Sodoma a Gomora).

Některé ruské biblizmy jsou převzaty z jiných evropských jazyků, např.: *башня из слоновой кости* (z franc.); *невзирая на лица* (z něm.); *непорочное зачатие* (lat.) aj. Jiné jsou čistě ruské a jsou s Bibli spojeny zprostředkovaně: *петь Лазаря; адамовы слезы; до положения риз; ничтоже сумняшеся*.

Ve většině zemí, do kterých proniklo křesťanství, je Bible nejrozšířenější knihou. Biblické výrazy jsou proto často internacionální. Významem a formou se mohou poněkud lišit, mají však společný původ a charakteristické znaky frazeologizmu. Autorka je nazývá „bibliemy“. Z nich vznikají v jazycích další různé varianty. Některé jsou typické jen pro určitý jazyk (srov. čistě ruské: *аредовы веки, петь Лазаря, вавилонская блудница* aj.).

Závěrečné kapitoly jsou věnovány odrazu Bible v ruském umění. Nespočetné množství biblizmů najdeme v literatuře, kde se propojenost jazyka a kultury projevuje nejvýrazněji. Mnoho biblických obrátů je již v samotných názvech literárních děl. Uveďme alespoň některé. V próze: «Золотой теленок» – роман И. Ильфа и Е. Петрова; «Ступай и не греши» – роман В. Пикуля aj.; dramata: «Горе от ума» А. Грибоедова; «Власть тьмы» Л. Толстого atd.; v poezii: «Блудный сын» – стихотворение Н. Гумилёва; «Египетская тьма» – стихотворение Б. Жуковского aj.

Mnoho výtvarných děl na Rusi, počínaje ikonami přes obrazy na dřevě v domácnostech (*лубок*) po proslulá díla 18. – 19. století, je spjato s biblickými náměty, příběhy i frazeologizmy. Také zpěv a hudba byly odedávna spojeny s církevními obřady (zvl. s pravoslavnou liturgií). Od 19. století skladatelé tvoří

samostatná díla s duchovní tematikou nebo navazující na Bibli, např. «Вавилон» – kantáta I.F. Stravinského, «Потерянный рай» - oratorium A.G. Rubinstein, skladby P.I. Čajkovského, A.G. Rimského-Korsakova aj. Biblické frazeologizmy najdeme i v písních, např. «Мир вашему дому» V.Vysockého, «Отречемся от старого мира» (Рабочая марсельеза) I.L. Lavrova atd.

Kniha je napsána poutavě a čtivě. Je určena širokému okruhu čtenářů.

Je známo, že bez znalosti ruských biblizmů nelze plně porozumět ruské literatuře ani mnoha obrátům v mluvené řeči. Filologové, literární vědci i laici najdou v knize unikátní a cenné informace, které v češtině postrádáme. Za zmínku stojí také bohatý seznam literatury, zastoupený mnoha publikacemi autorky. Nejvýznamnější z nich je jistě «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов», vydaný v roce 2010. V češtině takový slovník neexistuje. Jeho překlad z ruštiny je velmi potřebný.

Rajnochová Natalie, Česká republika, Praha

Jozef Sipko: Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie. Prešov, Filozofická Fakulta Prešovskej univerzity 2011, 320 s. ISBN 978-80-555-0371-4

Monografie Jozefa Sipka *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie* vznikla jako výsledek interdisciplinárních výzkumů současného jazyka médií. Vychází z konkrétních teoretických zdrojů, především z materiálů současné rusistiky, a nabízí tak možnost seznámit se s podstatou základních lingvokulturologických pojmů. Předmětem výzkumu je objektivizace poznatků o člověku prostřednictvím analýzy jeho jazykové komunikace. Veškerá autorova tvrzení jsou podložena praktickými ilustracemi vybranými především ze slovenského a ruského tisku z postsovětského období.

Monografii tvoří úvod, 16 kapitol, které se dále dělí na další podkapitoly, následuje závěr, přehled zkratk odkazujících na zdroje excerpovaného materiálu a přehled bibliografie čítající přes 100 položek. V první kapitole autor hovoří o **novém pohledu na filologické výzkumy**, kdy se od konce 20. století jazyk zkoumá v úzkém spojení s konkrétní etnokulturou, o axiologickém přístupu člověka a **hledání hodnot v jazyce** (*hodnoty vitální, sociální, politické, mravní, náboženské a estetické*). Tyto hodnoty pak určují aktuální dobové priority. Druhá kapitola je věnována **precedentním fenoménům**, které se v současné terminologii chápou jako lingvokulturologické jednotky, jež jsou v konkrétním etnokulturním prostředí natolik ustálené, že vytvářejí ustálené sociálně-komunikační modely jako hodnotové východisko při popisu aktuálních reálií. Ve třetí kapitole se autor soustřeďuje na výzkum **konceptosféry jazyka**, přičemž konceptosféru jazyka chápe jako propojení jazyka s jeho vlastní etnokulturou. Ve čtvrté kapitole autor prezentuje nutnost zohlednit **etnokulturní kontace a síť asociací** jednotlivých jazyků, které mohou poskytnout objektivnější poznatky o jednotlivých národech a jejich hodnotách.

Další kapitoly jsou již rozděleny podle vrstev slovní zásoby – **lingvokulturologie antroponym** (*idealizace vlastností historických osobností – Jánošík, Ilja Muromec vs. potřeba vytvářet obrazy nových hrdinů – Dominátor, Herminátor*), **etnonym** (*meziethnické problémy, globalizace, harmonie s živou přírodou, germanismy, rusismy v jiných jazycích...*), **lingvokulturologie humanismu a tolerance** (*totalitní jazyk, “Wintonovy děti“ jako jazykový příklad humanismu...*), **lingvokulturologie historismů a lingvokulturologie jazyka současných dějin** (*výroky týkající se událostí z období antiky, starověkého Říma, středověku, revolučních let, výroky související s ideologicko-politickým působením Lenina, Stalina, zmiňuje vliv fašismu na jazyk a přechod od reálného socialismu k post...*), **lingvokulturologie metafor** (*polysémie jazykových jednotek, frazeologismy a jazyková klišé – člověk z přírody, člověk a zvířata – ryby, ptáci, člověk a sport, přenášení války do nevojenského prostředí, člověk a barvy*), **lingvokulturologie pravdy** (*dvě podoby pravdy – lidská a boží, věčné zákony*) **a lži** (*lež v komunikaci, lež, politika a média*), **lingvokulturologie literatury** (*slovenská literatura o současnosti vs. ustálené jazykové konstrukce ze známých děl literatury se používají v různých jazykových formách jako citace nebo parafráze – symbolem zbytečnosti se stal obraz „boje s větrnými mlýny“*) a také **lingvokulturologické kódy slovtvorby** (*okazionalismy, sufixy –ace; –ščina, model esperanta, Brežněv a Chruščov v slovtvorbě*), **lingvokulturologické kódy mentality** (*emocionalita a její bezprostřední spojení s ženskostí, mužský princip, který se odráží např. v němčině, široká ruská duše*) **nebo multikulturalismu** (*Moskva – Třetí Řím?, Rusové v Německu, náboženská netolerance*).

V závěru autor komentuje poslední dvacetiletí a pohled na něj, vymezuje postavení lingvokulturologie mezi ostatními vědami a zdůrazňuje nevyhnutelnost interdisciplinárního výzkumu. Autor dále upozorňuje na úzkou souvislost mezi svobodou slova, úlohou médií a možnostmi prezentovat etnokulturologické hodnoty. Dále předjímá problematiku přejímání etnokulturologických lingvokulturém v překladatelské a tlumočnické praxi a obtížnost pochopení záměru autora zahraničním čtenářem, obzvlášť jedná-li se o satiru či parodii. Jozef Sipko celý obsah knihy zakládá na určité hierarchii lingvokulturém v textu. Všeobecně lze podle autora říci, že nejčastěji v případě nepřímého hodnocení nacházíme historismy, literární aluze a antroponyma, přičemž v ruských médiích převládají sovětismy či puškinismy. Autor se mimo jiné snaží ukázat, že filologové mají mnohem větší možnosti získat o člověku objektivní informace, ale záleží na každém z nás, zda těchto možností využijeme.

Knihu bych doporučila nejen zájemcům o lingvokulturologii, ale všem studentům filologických oborů (především ruského jazyka), protože přináší jiný pohled na některé známé poznatky a uvádí zkoumané jevy do širších souvislostí. Za velmi užitečné v posuzované práci považuji četné příklady u jednotlivých zkoumaných jevů, komentáře k nim a také velmi zajímavou a čtivou formu, jíž je práce napsána. Závěrem bych ještě vyzdvihla přehlednost odkazování excerpovaného materiálu, každá jednotka je doplněna přesnou informací o zdroji včetně data a čísla vydání.

Ivana Hanulíková, Česká republika, Olomouc

Aktuální otázky současné jazykovědné rusistiky IV (konference k nedožitým 90. narozeninám Romana Mrázka)

21. listopadu loňského roku si česká rusistika připomněla nedožitě 90. narozeniny významného brněnského rusisty prof. PhDr. Romana Mrázka, CSc. Mateřské pracoviště prof. Mrázka, dnešní Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, uctilo jeho památku 22. listopadu 2011 jednodenní konferencí s názvem Aktuální otázky současné jazykovědné rusistiky IV. Konference navázala na podobné setkání uskutečněné před deseti lety k Mrázkovým nedožitým osmdesátinám.

Vzdát hold prof. Mrázkovi přišli jak jeho někdejší brněnští kolegové a žáci, tak rusisté a slavisté z dalších českých a slovenských pracovišť: z Olomouce, Opavy, Ostravy, Ústí nad Labem, Nitra a také z polských Katovic. Během celodenního jednání, jemuž bylo přítomno 27 účastníků, zaznělo ve čtyřech tematických blocích 18 vystoupení. Stejně jako byly různorodé a mnohostranné badatelské zájmy prof. Mrázka, bylo široké a různorodé tematické spektrum příspěvků účastníků konference:

Přínos R. Mrázka československé rusistice zhodnotil v úvodním vystoupení S. Žaža z hostitelské univerzity, jenž také připomněl méně známé stránky Mrázkovy košaté osobnosti – R. Mrázka jako výborného klavíristu, překladatele či zasvěceného vykladače dějin španělského divadla.

O propojení lingvistiky s literární vědou v Mrázkově díle promluvil vedoucí Ústavu slavistiky I. Pospíšil v příspěvku s názvem *Jazyk a literatura, lingvistika a literární věda: obnova ztracené jednoty?* J. Sokolová (Nitra) ve vysoce teoretickém referátu osvětlila tzv. explanační metodu v morfologickém výzkumu, již v současné slovenské morfologii rozvíjí zejm. J. Dolník. Příspěvek H. Flídrové (Olomouc) o problematice asyndetického souvětí v odborné ruštině byl věnován nejvlastnějšímu zájmu R. Mrázka, syntaxi. V textové rovině se pohybovalo vystoupení J. Galla (Nitra) o intertextualitě jako textotvorném prostředku a hluboce zasvěcený výklad Z. Trösterové (Ústí nad Labem) o síle jednotlivého slova ve vztahu ke globálnímu uchopení básnického textu.

Druhý tematický blok byl věnován referátům s etymologickým zaměřením: V. Šaur (Opava) revidoval na základě nově zjištěných reálií dosavadní výklad významu a původu ruských slov *мороz* a *ypда*, I. Janyšková (Brno) objevila pro přítomné některé překvapivé etymologické paralely v ruském a českém lexiku. J. Gazda (Brno) demonstroval netradiční využití elementárního etymologického výkladu jako

мотивačního prvku při výuce ruského jazyka. Dílčím aspektem výuky ruštiny byla věnována i dvě vystoupení dalšího bloku: A. Janek (Brno) představil svou novou Učebnici současné ruštiny, která systémově-komunikační metodou přibližuje ruštinu širokému okruhu zájemců, Z. Nedomová (Ostrava) připomněla mnemotechnické pomůcky, jež prof. Mrázek ve výuce využíval pro osvojování ruského přízvuku. Slovo bylo ústředním tématem dvou referátů – N. Koriny (Nitra) z pohledu slovtvorného a A. Charciarka (Katowice) z pohledu lexikografického.

Poslední blok soustřeďoval různorodé příspěvky: k problematice neologizace v ruském sociálním lexiku (Z. Vychodilová, Olomouc), biblické frazeologie (M. Pavlasová, Brno), staroruské syntaxe (S. Oplatek, Brno) a morfosyntaxe (A. Brandner, Brno). Shrnující závěrečné slovo vyslechli účastníci z úst A. Brandnera, výkonného organizátora celé akce.

Tematické zaměření příspěvků konference kopírovalo prakticky všechny oblasti, jichž se R. Mrázek ve svém díle třeba jen okrajově dotkl. Zahrnovalo synchronní i diachronní morfologii a syntax, slovní zásobu se zaměřením na slovtvorbu, neologii a frazeologii, lexikografii, lexikální sémantiku, etymologii, mezioborové vztahy a otázky didaktiky jazyků. Mnozí autoři k Mrázkovu dílu odkazovali, mnozí referující na prof. Mrázka vděčně vzpomínali jako na svého učitele. Jak přislíbili organizátoři, může se slavistická veřejnost těšit na sborník příspěvků z konference, jenž by měl vyjít v nejbližších měsících.

Zdeňka Vychodilová, Česká Republika, Olomouc

Международная фразеологическая конференция „Słowo. Tekst. Czas.“

С 1 по 4 декабря 2011 года в городах Щецин (Польша) и Грайфсвальд (Германия) проходила XI Международная конференция «Слово. Текст. Время.»

В конференции приняли участие учёные из разных стран. Преобладали участники из РФ. Русский язык доминировал также на пленарных заседаниях и на круглом столе конференции. В отдельных секциях прозвучало, однако, немало докладов и на других языках, особенно на белорусском, польском и украинском. В рамках конференции выступили докладчики с сообщениями, касающимися не только славянской фразеологии, но и её сопоставления с немецким (напр., доклад Я. Тушич), с испанским (А. Зайнульдинов), с английским (А. Полищук) и другими языками.

Приятно поразило число приехавших на конференцию – случаи отмены доклада из-за отсутствия участника были крайне редкими.

Конференция была торжественно открыта в польском Щецине 1 декабря 2011 г. директором Института славянской филологии Щецинского университета К. Янашеком.

После торжественного открытия состоялось первое пленарное заседание, на котором председательствовал профессор грайфсвальдского университета Х. Вальтер. На данном пленарном заседании выступило пять докладчиков. Доклад А. Пстыги был сделан на польском языке, доклад Т. Валодзіной – на белорусском, остальные три – на русском.

Пленарное заседание открыл А. Пстыга, который коснулся категории негации во фразеологии.

В. М. Мокиенко выступил с докладом «Славянская паремиология сегодня», в котором слушателям был представлен широкий обзор развития паремиологии, начиная с времён, когда она считалась частью фольклористики, до наших дней. Были названы наиболее важные паремиографические и паремиологические работы.

Третий доклад пленарного заседания, доклад Т. Валодзіной, описывал оппозицию «своё и чужое» на материале человеческого тела. Благодаря привлечению фактов из очень широкого тематического поля, включая мифологию, а также материала нескольких славянских и неславянских языков, данный доклад был интересен и слушателям-нефразеологам (пленарное заседание посетило, кроме непосредственных участников конференции, и несколько гостей из рядов преподавателей щецинского университета, и несколько десятков студентов).

После Т. Валодзіной выступила с Л. Араева с сообщением, посвящённым проблематике проявления во фразеологизмах пропозиционально-дискурсивного мышления. Материалом для доклада служило обозначение падения рождаемости в разных славянских языках. Последним в первой части пленарного заседания было выступление испанского учёного А. Зайнульдинова, в котором было проведено сопоставление русской и испанской фразеологии.

В послеобеденной части пленарного заседания присутствующие выслушали четыре доклада: С. Георгиевой о национальной специфике категории оценки во фразеологических единицах, Х. Вальтера и Е. Коморовской о составлении немецко-польского словаря библейских фразеологизмов, А. Чепкасова об использовании фразеологизмов в речи губернатора Кемеровской области А. Тулеева и доклад А. Корольковой о категории времени в русской афористике.

Второго декабря работа конференции продолжалась в рамках четырёх секций, на каждой из которых прозвучало от 10 до 15 докладов. В первой секции обсуждались проблемы фразеологии в когнитивном, аксиологическом и конформативном аспекте, во второй – проблема фразеологизма и контекста. Третья секция была посвящена проблемам паремиологии и фразеографии. Четвертая секция с названием «Интердисциплинарные исследования» представляла собой некий синтез фразеологии и других лингвистических и литературоведческих дисциплин: в ней прозвучало несколько докладов по таким темам, как, например, фразеология в переводах конкретного автора (напр., доклад Б. Лазаренко) или название магазинов одежды из вторых рук (доклад Й. Валишевой).

Третьего декабря конференция продолжалась в немецком Грайфсвальде, где пленарное заседание торжественно открыл заведующий кафедрой славистики М. Нимайер, познакомивший гостей с историей возникновения и развития факультета славистики в Грайфсвальдском университете.

На заседании круглого стола выступило девять докладчиков.

Первые два доклада, Е. И. Зыковой и Т. Ярушкиной, касались фразеологии. Е. И. Зыкова рассказала о школьном словаре крылатых слов и выражений, работа над которым в настоящее время ведётся в Санкт-Петербурге, Т. Ярушкина выступила с интересным докладом о немецко-русском словаре библеизмов Х. Вальтера и В. М. Мокиенко. Первый доклад вызвал между участниками круглого стола оживлённую дискуссию.

Следующим был доклад Л. Н. Мишиной, посвящённый змее в старославянском и других славянских языках. В нём анализировались отдельные представления о змее, отражённые в славянских языках, и их старославянское происхождение.

Несомненно, самый большой интерес слушателей и самые оживлённые дискуссии непосредственно во время круглого стола и в кулуарах вызвал доклад Н. Богдановой о звуковом корпусе русского языка и особенно приведённая статистика частотности употребления некоторых слов.

В. Хлебда в рамках круглого стола коротко презентовал Идиоматикон, над созданием которого работают в Ополе. После него выступил В. М. Мокиенко, на этот раз осветивший гендерные проблемы фразеологии на материале единиц с компонентами *кот* и *кошка*. Доклад посвящался М. А. Алексеевко, который в своём выступлении также затронул проблемы гендерной лингвистики.

Круглый стол, и вместе с ним и всю официальную часть конференции закрывала пара участниц из Оломоуца: А. Архангельская выступила с докладом о традиции снимать головной убор для мужчин и связанном с ней сексизме, Т. Архангельская – на тему вербализации представлений о мужской красоте в польской лексике и фразеологии.

Неотъемлемой частью конференции была богатая культурная программа. В Щецине участников ждал концерт вокальной группы *Cantus Delicium*, после которого состоялся торжественный ужин. В ходе конференции участники могли посетить выставку книг и познакомиться с новыми работами по фразеологии и другим направлениям лингвистики.

В Грайфсвальде приехавшие могли принять участие в осмотре здания местного университета и в экскурсии на остров Рюген. Кроме того, учёные из разных городов и стран имели возможность пообщаться на множество тем во время неформальных встреч, устроенных организаторами форума.

Петра Фойту, Чехия, Оломоуц

Mezinárodní vědecká konference „Frazeologia a przekład“, Opole 4. – 6. září 2011

Ve dnech 4. – 6. září 2011 proběhla v Institutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Opolskiego mezinárodní vědecká konference Frazeologia a przekład. Bylo to již čtvrté mezinárodní setkání frazeologů, jež se v pravidelných pětiletých intervalech konají na půdě polské univerzity.

Na úvodním plenárním zasedání zazněly tři příspěvky: V. M. Mokijenko (Sankt-Peterburg) zahájil jednání svým pohledem na stále živé a nedořešené téma přeložitelnosti a nepřeložitelnosti ve frazeologii, N. F. Alefirenko (Belgorod) a M. V. Vsevolodová (Moskva) předložili pohled na problematiku frazeologie prizmatem svého stěžejního badatelského zájmu, tedy kognitivní lingvistiky a morfosyntaxe.

Odpoledne již rokování probíhala ve dvou paralelních sekcích, rozčleněných do tematických bloků. Předmětem zájmu referujících byly nejrozmanitější dílčí problémy ústředního zastřešujícího tématu, tedy frazeologie ve vztahu k překladu či překladu ve vztahu k frazeologii.

Předmětem pozornosti mnoha vystupujících byly způsoby překladu frazeologismů v konkrétních literárních dílech (A. Krzywicka-Ustrzycka, T. Miljutina, I. Okulska, S. Prędota, Je. Seliverstova, L. Stěpanova, Z. Vychodilová, H. Walter a další). Zvláštní tematický blok byl věnován zpracování frazeologismů v různých typech slovníků (I. Danecka, W. Chlebda, Je. Nikolajeva, S. Ribarova, K. Ratajczyk S. Rudenko a další). Hojně zastoupení měla i problematika frazeologismů v různých typech mediálního diskurzu (B. Chlebda, E. Konefal, Z. Novoženowa, A. Pstyga, V. Verbickaja). Hovořilo se o obtížně přeložitelných a bezekvivalentních frazeologismech (H. Bartwicka, P. Fojtů, A. Vasung) a o kvazifrazémech (O. Fedoszov). Několik vystoupení bylo věnováno problematice lidové a nářeční frazeologie (L. Ivaško, B. Kovačević, I. Kurtović Budja a I. Vidović Bolt); analýze frazémů s konkrétními komponenty se věnovaly B. Barčot, Ž. Fink, M. Guszczin a L. Rudnickaja. Frazeologie spjatá s religiозní literaturou byla předmětem zájmu N. Rajnochové a U. Topczewske. Gramatické aspekty frazeologismů sledovaly A. Čaplygina, R. Sudzuki a Je. Vinogradova, o úloze míry jazykové příbuznosti při překládání frazeologismů hovořili A. Bierich, D. Boryowski, L. Kalimullina a E. Kržišnik s U. Valenčič Arh. Jednotlivé příspěvky byly věnovány překladu parémii (N. Semenenko), pojmu frazeologický kalk v ruské jazykovědě (I. Naumova) a převodu metakomunikačních signálů v audiovizuálním tlumočení (T. Siniawska-Sujkowska). Zcela netradiční téma, a to překládání frazeologismů „olbánského jazyka“, nabídla J. Tarsa. Třídenní rokování bylo uzavřeno plenárním vystoupením P. Ďurča o ekvivalenci paremiologických jednotek. Pro zájemce byla připravena prezentace úctyhodného pětidílného „Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego“ kolektivu autorů pod vedením W. Chlebdy.

Druhý jednací den byl zakončen společenským posezením v prostorách starobylé Villy Academia, na němž nemohl chybět obligátní zpěv všech zúčastněných s kytarovým doprovodem prof. Mokijenka. V době konference proběhlo zasedání Frazeologické komise Mezinárodního komitétu slavistů pod vedením V. Mokijenka.

Celý průběh konference organizačně připravil a obětavě zajišťoval prof. W. Chlebda se svým týmem.

Ústřední téma konference tedy předurčilo komparativní zaměření převážné většiny příspěvků. Potvrdilo se, že mnohé problémy mají univerzální charakter, vyskytují se v mnoha národních jazycích, jiné jsou zcela specifické, úzce spjaté s kulturně-historickými zvláštnostmi daného národa. Jednacími jazyky byly vedle ruštiny a polštiny také čeština, slovenština, chorvatština a ukrajinština.

Opolská frazeologická konference bezprostředně předcházela mezinárodní konferenci Olomoucké dny rusistů; převážná část účastníků se tedy univerzitním autobusem opolské univerzity přesunula do Olomouce a mnohá nedořešená aktuální témata tak mohla být bezprostředně předmětem dalších diskusí a vědeckých rozprav.

Zdeňka Vychodilová, Česká republika, Olomouc

Профессор Гелена Флидрова – юбиляр

В этом учебном году мы отметили юбилей нашей доброй коллеги и учителя – проф. Гелены Флидровой, которая вот уже 50 лет работает на кафедре славистики Философского факультета Университета им. Палацкого.

За эти долгие годы Г. Флидрова прошла все ступени академической лестницы – была студенткой, аспиранткой, ассистенткой, затем доцентом и, наконец, – профессором.

Гелена Флидрова (Свободова) поступила в Университет им. Палацкого на специальности чешский и русский языки в 1958 г. После успешного окончания университета была приглашена на работу на кафедру славянской филологии Философского факультета Университета им. Палацкого. В 1964 г. поступила в аспирантуру по специальности «Современный русский язык» и работала над диссертацией на тему «Императивность и повелительные предложения в русском языке (в сопоставлении с чешским языком)» под руководством проф. Р. Зимека. Диссертация была защищена в 1975 г. в Брно.

Сразу после защиты кандидатской диссертации Г. Флидрова начинает работать над габилитационной работой на тему «Побудительные коммуникаты (на чешском и русском материале)» (*Výzvodé komunikáty (na českém a ruském materiále)*), которую успешно защищает в Оломоуце в 1980 г. В 2002 г. решением Ученого Совета Университета им. Палацкого ей присваивается звание профессора, в 2011 г. она была удостоена звания «Почетный профессор Университета им. Палацкого».

В личности ученого-филолога Г. Флидровой нашли свое воплощение лучшие традиции оломоуцкой русистики, которые проф. Флидрова унаследовала от своих учителей А. В. Исаченко и Р. Зимека и которые она передает следующим поколениям студентов и младшим коллегам, для которых теперь она, в свою очередь, стала почитаемым Учителем.

Профессор Г. Флидрова продолжает трудиться в *alma mater*, передавая свои ценные знания студентам, аспирантам и сотрудникам. Ею было написано и опубликовано более 150 научных трудов, в том числе монография «Социолингвистические и психолингвистические аспекты диалога и полилога в русском языке» (*Sociolingvistické a psycholigvistické aspekty dialogu a polylogu v ruštině*. AUPO, Facultas Philosophica. Supplementum 29-1989, SPN, Praha 1989, 174

s.), более 90 научных статей, 20 учебных текстов, более 40 рецензий, 4 словаря и 7 переводов (в соавторстве).

Главная сфера научных интересов проф. Г. Флидровой – синтаксис русского и чешского языков (научного текста и разговорного дискурса), а также текстовая и коммуникативная лингвистика, все в русско-чешском сопоставительном плане. На эти темы она выступала на всемирных конгрессах и международных конференциях в Чехии и за рубежом. В основном этим темам посвящены диссертационные работы руководимых ею аспирантов (3 аспиранта защитило работы, в настоящее время ведет 5 аспирантов).

Гелена Флидрова – признанный специалист по русскому синтаксису в Чешской Республике. Совместно с проф. С. Жажей она издала весьма востребованный учебник «Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским» (Оломоуц, 2005, 163 с.). Кроме синтаксиса, проф. Флидрова преподавала и преподает на кафедре славистики морфологию, теорию диалогической речи, анализ русского научного текста и др., ведет многочисленные дипломные работы.

Проф. Флидрова несет и бремя административной нагрузки, заседаая в научных комиссиях по русскому языку в Оломоуце и Брно, а также в научной комиссии по сопоставительной славянской филологии в Оломоуце. Она принимает активное участие в разработке научных программ кафедры и в подготовке молодой смены. Ни одна монография по русскому языку не покидает стен кафедры без ее одобрения.

Проф. Флидрова уважаема студентами и любима коллегами за знание дела, собранность, ровный и благожелательный характер и неизменную готовность помочь.

Мы желаем нашей коллеге и подруге сохранения ее бодрости, оптимизма, крепкого здоровья и долгих мирных лет в кругу семьи и друзей.

Коллектив кафедры славистики Философского факультета Университета им. Палацкого.

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Knihy, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!